

КОСТЁР

2 ФЕВРАЛЬ 1977

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ

1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1977 г.

Петроград

Рига

Витебск

Орел

Москва

Ярославль

Харьков

Севастополь

Новочеркасск

Ростов

Ставрополь

Царицын

„МЫ В НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ, СВЕРГНУВ БУРЖУАЗИЮ, ПОБЕДИЛИ ЕЕ ОТКРЫТОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ... МЫ ПРОШЛИ ПОБЕДНЫМ ТРИУМФАЛЬНЫМ ШЕСТВИЕМ БОЛЬШЕВИЗМА ИЗ КОНЦА В КОНЕЦ ГРОМАДНОЙ СТРАНЫ“.

В. И. ЛЕНИН

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН
ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Картина В. А. Серова (фрагмент)

СЛОВО— СОЛДАТАМ ОКТАБРЯ

«Связной Военно-революционного комитета передал распоряжение. В 9 часов Временное правительство должно сдаться. В случае его отказа над Петропавловской крепостью появится красный огонь. Это будет сигнал «Авроре» дать холостой выстрел...

...Уже 35 минут десятого, а красного огня все нет.

— Огонь, огонь! — раздались голоса.

Во мгле, за мостом показался багровый огонь. Было 9 часов 40 минут. Я отдал команду: — Носовое, огонь. Пли!

...В ответ на выстрел сквозь перестук пулеметов послышалось громовое «ура». Это наши пошли на штурм».

А. БЕЛЫШЕВ,
комиссар крейсера «Аврора»

«Мы... повели атакующих внутрь дворца. Юнкера при нашем входе сопротивления уже не оказали, и мы свободно проникли в глубь дворца в поисках Временного правительства...

...В комнате находим целую группу людей... Временное правительство. Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное пятно.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными! — заявляю я им».

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО,
член ВРК

«Ленин был настолько углублен в работу, что не заметил моего появления. Он готовил декрет о земле. Выслушав мой рассказ, который я закончил словами: «Теперь, Владимир Ильич, все уже кончено», Ленин продолжал работать. Осторожно обняв Владимира Ильича и крепко пожав ему руку, я тихо вышел из комнаты. И тут только подумал, какой односторонней была фраза «Все кончено». Работа Ленина над декретом говорила о том, что для пролетариата и крестьянства, для партии большевиков только начинается невиданная в мире созидательная работа».

Н. И. ПОДВОЙСКИЙ,
председатель ВРК

Смольный в дни Октября

«Когда белогвардейцы провокационным путем захватили Кремль, мы получили приказ... идти на штурм Кремля...

Каждый район наступал со своей стороны...

Утром, когда рассвело, мы хотели пробиться с пулеметом через Ильинские ворота к Кремлю, но солдат-пулеметчик забоялся, так как сверху все время обстреливали. Я быстро схватил пулемет и перетащил его на другую сторону через площадь. Ребята поддерживали меня, и мы все быстро двинулись по Ильинке...

От Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете
Рабочих и Солдатских Депутатов.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, столпаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложіе демократическаго мира, отмена помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Советскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЫ!

Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Советѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

23 октября 1917 г. 10 ч. утра.

Утром закрепились у Красной площади... В этот день Кремль был взят».

С. И. МАКАРОВ,
участник революционных боев
в Москве

* * *

«Мы, солдаты 4-й роты 98-го рабочего батальона, заслушав доклад товарища Федорова о событии в Петрограде, обязуемся поддерживать нашу демократическую власть в полном смысле гражданского долга. Приветствуем и просим продолжать ее творческую работу на благо родины и всего трудового народа...»

г. Мурманск

* * *

«...собравшись на полном общественном сходе, заслушали представителя от Петроградского ВРК Ивана Царева и постановили:

«... выражаем полную поддержку Советам вплоть до последней капли крови...»

Из резолюции Комарического сельского общества Могилевской губернии

Вступление революционных отрядов в Кремль

наши революционные войска не только взяли баррикады, но и... съели их, так как думские баррикады были сложены из мешков с айвой».

В. П. АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ,
председатель Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов

привлеченных для выполнения этих заданий, были Лазо, Поздняков...»

М. И. БУБЛЕЕВ,
участник Октябрьских событий
1917 г. в г. Красноярске

* * *

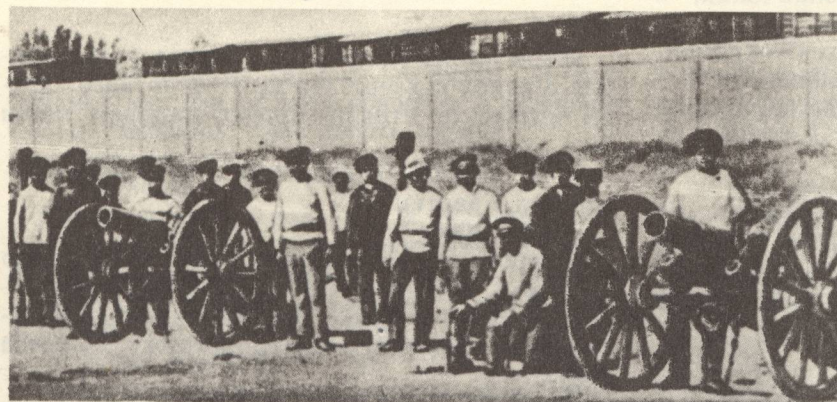
«Все спокойно, власть в наших руках уже с 26 октября... Из внутренних губерний тоже вести хорошие... — Россия с нами. Писать не стану, сами знаете, многословием не скажешь ничего».

**Председатель Псковского ВРК
В. ПАНЮШКИН**

* * *

Сообщение полкам 50-й дивизии Юго-Западного фронта: «В Петрограде, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Самаре, целом ряде провинциальных городов власть находится в руках Советов... Создан Совет Народных Комиссаров... изданы декреты о мире, земле... Помещичья собственность на землю отменена... Ждем поддержки всех, кому это дорого».

Военно-революционный комитет

Ташкент. Участники боев за советскую власть

* * *

«После получасовой беспорядочной и истерической болтовни дума согласилась начать разоружение, но ... со стороны думских баррикад раздалось «ура» и был открыт предательский огонь...»

Занятие думских баррикад ознаменовалось курьезом:

* * *

«Большинство комитета постановило: немедленно же приступить к взятию власти... Тут же были разработаны необходимые мероприятия — захват банка, телеграфа, телефонной станции, вокзала — и даны поручения отдельным товарищам. Во главе солдат,

„Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран“.

В. И. ЛЕНИН

Хотя стоял прекрасный летний день, с самого утра нам всем было не по себе — мы с братишкой угрюмо слонялись под туловыми деревьями, а Мец-Майрик ходила по двору как в воду опущенная. И лишь время от времени, заслоняя рукой глаза от солнца, она всматривалась в противоположный склон горы, где дома террасами спускались вниз, к ущелью, — весь день оттуда доносились к нам леденящие душу плач и причитания.

— Ахчи, Сопан, не знаешь, что за плач у Меликянцев? — спросила Мец-Майрик свою подружку, когда та заглянула к нам. — И двор почему-то у них полон народу... — и она снова посмотрела на противоположный склон горы.

— А ты что, не слыхала? Сегодня утром Ашхен Меликянц получила Черную Бумагу на сына... Вот она с горя и рвет на голове волосы...

— Вай, ахчи-ахчи! — горестно воскликнула Мец-Майрик, хлопнув себя по бедрам. — Что ты говоришь! Проклятая война, скольких она уже унесла. Бедная, бедная Ашхен! — и она снова горестно хлопнула себя по бедрам. — И как только ее материнское сердце выдерживает такое горе?

— Вот и я тоже так думаю...

Мы с Грантиком стояли рядом и слушали их разговор.

— Если бы я получила — не дай бог! — Черную Бумагу на сына, у меня тут же от горя разорвалось бы сердце, — продолжала Мец-Майрик. — Нет, правда, Сопан-джан, я бы тут же умерла на месте.

— Поднимемся к бедной Ашхен? — помолчав немного, спросила тетушка Сопан.

— Ну, конечно. Только накину на голову темный платок...

— Эй, ребята, бабушка ваша дома?

Мы с братом обернулись на окрик. У калитки стоял Хромой Андроник, сельский почтальон. Его не взяли на фронт, потому что он при ходьбе припадает на правую ногу.

— Нет ее дома, — ответил я.

— А где она?

— Вот уже неделя, как она ездит в поле стряпать для хлопкоробов. Приедет поздно вечером на арбе Рыжего Тиграна.

— Мм-да... Что же делать?

Он с сомнением посмотрел на нас.

— А что? — спросил я. — Может, что-нибудь надо передать Мец-Майрик?

— Уж и не знаю, как тут быть... — он явно был в затруднении. — А может, вы отдадите ей, а? — он протянул мне конверт.

— От дяди Сурена письмо?! — обрадованно воскликнули мы.

Вот уже много месяцев от него не было писем. Мец-Майрик не знала, что и думать. Все время ждала вестей от сына.

— Ну, ладно, отдайте ей сами, а я пошел дальше разносить письма.

Виктория ВАРТАН

СВЕТ

РАССКАЗ

После ухода Андроника я молча рассматривал в руках конверт. На месте обратного адреса почему-то стояло только: полевая почта № ... — и все.

— А почему конверт не треугольный? — спросил Грантик.

— Не знаю...

Я торопливо распечатал письмо — все равно либо мне, либо кому-нибудь другому приходилось читать бабушке письма, — вытащил небольшую сложенную вдвое бумажку и прочел вслух:

ИЗВЕЩЕНИЕ

Гр. Самвелянц Машок!

Ваш сын лейтенант Сурен Григорьевич Самвелянц пал смертью храбрых в боях за Родину.

Командир войсковой части гвардии полковник Богданов И. В.

— Это же Черная Бумага... — испуганно прошептал Грантик.

У меня внутри что-то протестующе сжалось при мысли о том, что мы никогда больше не увидим дяди Сурена... Несколько минут мы стояли как вкопанные и в растерянности смотрели друг на друга.

— Если Мец-Майрик узнает, что дядя Сурен погиб, у нее тут же будет разрыв сердца, — сказал Грантик.

— Что ты говоришь глупости?

ТВОИМ ГЛАЗАМ

Рисунки
А. Слепкова

— Ничего я не говорю глупости... Я сам слышал, как она об этом говорила с тетушкой Сопан. Помнишь, дней десять назад?

— Ага, вспомнил... Что же нам делать?

— Не знаю...

После минутного раздумья я сказал:

— Давай сожжем эту бумажку, а Мец-Майрик ничего не скажем. Она не узнает о гибели дяди Сурена, и сердце у нее не разорвется.

— А так можно?..

— Почему же нельзя? Вспомни дядю Ваню, старшину? Помнишь, он же тогда сказал неправду Мец-Майрик. Ну, что встречал дядю Сурена на фронте. Он тогда хотел успокоить ее и все. Просто пожалел и сказал неправду.

— Не знаю... И потом Мец-Майрик будет всю жизнь напрасно ждать, ждать от дяди Сурена вестей...

— Ну и пусть, — решительно сказал я. — Лучше всю жизнь ждать, чем разрыв сердца.

— А Хромой Андроник? Он потом спросит Мец-Майрик, что написал в письме дядя Сурен.

Я совсем про него забыл.

— А мы пойдем к нему, расскажем про наш план и попросим, чтобы он никому о Черной Бумаге не говорил, — сказал я.

Когда солнце скрылось за горами, мы с братом побежали к Хромому Андронику. Он жил

у реки. Сельский почтальон сидел на веранде, опустив натруженные ноги в деревянное корыто с водой. Он немного удивился, когда увидел нас.

— Ну, что пишет ваш дядя? — спросил он.

— В конверте было не письмо, а Черная Бумага... — ответил я.

— Вай, что ты говоришь! А я и то подумал тогда, что очень уж тонкий конверт, почти пустой... Бедная ваша бабушка!

— Дядя Андроник, мы сожгли Черную Бумагу и решили скрыть от Мец-Майрик гибель нашего дяди Сурена. А ты дай честное слово, что ни Мец-Майрик, ни кому другому никогда не скажешь об этом, хорошо?

— Как так?

— А мы не хотим, чтобы наша бабушка умерла от разрыва сердца, — сказал Грантик.

— Понимаешь, если Мец-Майрик узнает, что дядя Сурен погиб на фронте, у нее тут же разорвется сердце, — пояснил я.

— Э, сынок, сынок, еще никто не умирал с горя... В конце концов человек привыкает к любой утрате, — с грустью сказал Андроник.

— Но у нашей Мец-Майрик сердце особенное — не такое, как у всех! — сказал Грантик.

— Как это, особенное?

Тогда мы, перебивая друг друга, рассказали сельскому почтальону о разговоре Мец-Майрик

с тетушкой Сопан, свидетелями которого случайно оказались я и братишка.

— Ну, смотрите, как знаете, — выслушав нас, сказал Андроник. — Я — могила, никому не скажу ни слова. Кто знает, может, и в самом деле лучше всю жизнь надеяться и ждать... — добавил он, глубоко задумавшись, словно позабыв о нашем присутствии.

Когда поздно вечером Мец-Майрик вернулась с поля, мы ей ничего не сказали. Да и во все последующие дни, до самого возвращения в город, я и Грантик вели себя тише воды, ниже травы, и мы даже однажды услышали, как Мец-Майрик сказала тетушке Сопан:

— Ребята стали такими послушными, просто не нарадуюсь на них.

Наконец наступил и канун нашего отъезда в город.

— Геворг, Грантик, принесите из сарая двести вязанки хлопкового хвороста и сложите возле тондыра. Сегодня будем печь лаваш и сладкую гату. Немного повезете с собой в город. Хлеб сейчас там все еще по карточкам, — сказала Мец-Майрик, выйдя из дома с засученными до локтя рукавами и в переднике, перепачканном мукой.

Мы быстренько принесли несколько вязанок хлопкового хвороста и сложили возле тондыра — это такая круглая, наподобие колодца, яма в земле, глубиной в полтора — два метра, стены которой выложены белыми глиняными кирпичиками. В ней у нас пекут лаваш и плоские хлебцы.

А тут подоспела и бабушкина подружка Сопан — они с Мец-Майрик всегда помогали друг другу печь хлеб, — и скоро сухой хлопковый хворост весело затрещал в тондыре. Еще несколько минут — и от сгоревшего дотла хвороста осталась на дне тондыра только кучка красных угольков, подернутая голубоватой пленкой золы.

— В самый раз, Сопан-джан, давай тесто, — плеснув водой на раскаленные стенки тондыра, сказала Мец-Майрик. Вода, зашипев, мгновенно испарилась.

Тетушка Сопан начала раскатывать тесто, а Мец-Майрик, сидя по-турецки, ловко наклепывала дощечкой тонкие лаваш на горячие стенки тондыра, всякий раз на секунду по пояс исчезая в нем.

— Сопан, возьми-ка железный крюк и подцепляй им испеченные лаваш, — сказала Мец-Майрик, вытирая рукавом потный лоб.

Но тетушка Сопан так и не успела взять в руки железный прут с крючком на конце, потому что калитка с шумом распахнулась и во двор, запыхавшись и припадая на правую ногу, вбежал Хромой Андроник. Он размахивал в воздухе белым треугольным конвертом.

Подбежав к Мец-Майрик, он одним духом выпалил:

— Тетушка Машок! Свет твоим глазам — тебе письмо от сына!

— Что ты говоришь, Андроник-джан! Письмо? Да зацветет могила твоей матери розами! Давай, прочитай нам вслух, узнаем, почему он так долго не писал!

Я изумленно уставился на сельского почтальона. Как же так? Значит, произошла ошибка и дядя Сурен жив? Тут кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся — это был Грантик:

— А как же Черная Бумага, а?..

— Да погоди ты, — нетерпеливо отмахнулся я от него.

Андроник читал вслух письмо — оно было написано по-армянски, — а Мец-Майрик и тетушка Сопан, стоя возле него, ловили каждое произнесенное им слово.

Дядя Сурен в письме сообщал, что в прошлом году во время одного из боев его тяжело ранило и он бы погиб, если бы его, раненого и без сознания, не подобрали белорусские партизаны, которые и вывели его. А после он вместе с ними партизанил, пока наши войска не освободили всю Белоруссию от фашистов.

— Вай, Андроник-джан, — радостно воскликнула Мец-Майрик, обняв его. — Пусть отныне все твои болезни перейдут ко мне! А за счастливую новость с меня магарыч!

Она побежала в дом и вынесла пару ярких шерстяных носков:

— Вот тебе магарыч! Я их связала сама. Возьми и носи на здоровье!

— Эй, что это у вас там за шум! — крикнула из-за огады соседка Мариам.

— Ахчи, Мариам, письмо, письмо получила от моего сына! — крикнула ей Мец-Майрик.

— Вай, свет твоим глазам! Стало быть, Черная Бумага пришла по ошибке? Вай, какое это счастье!

— Что-что? — крикнула какая-то женщина, проходившая мимо распахнутой настежь калитки. — Значит, Сурен жив и Черная Бумага оказалась ошибкой?

Изумлению моему не было предела: ведь я считал, что тайна Черной Бумаги известна лишь мне, Грантику да сельскому почтальону. В глубоком недоумении я взглянул в лицо Хромоу Андронику. Он поспешно отвел глаза в сторону...

— Э-э, что вы тут все толкуете про какую-то Черную Бумагу? — удивилась Мец-Майрик. — Не такого сына я родила, чтобы его смогли одолеть фашисты! Я и не сомневалась, что рано или поздно получу от него письмо!

— Вай, ахчи-ахчи! — спохватилась вдруг тетушка Сопан. — Забыли про лаваш!

И она бросилась к тондыру. Я тоже кинулся туда. Несколько лавашей сорвалось со стенок и лежало на дне, в золе, а остальные с отставшими краями еще румянились на стенках, правда, готовые каждую минуту шлепнуться вниз. Тетушка Сопан, ловко подцепляя лавашки крючком, вытаскивала их из тондыра и раскладывала на белом холсте. У меня потекли слюнки, до того вкусно пахло свежеспеченным хлебом.

— Андроник, Сопан, Мариам, угощайтесь! — весело сказала Мец-Майрик. — А ты куда идешь, Сиран? — обратилась она к женщине, которая шла мимо нашего двора, но, услышав про счастливую весть, зашла поздравить бабушку. — Давай тоже угощайся! Геворг, сбегай за сыром.

Я вынес из дому овечьего сыру на тарелке, а тетушка Сопан, вспомнив, что у нее есть полдюжины круто сваренных яиц, побежала за ними. Скоро она вернулась, неся яйца, а с нею вместе две соседки. «Свет твоим глазам!» — сказали они Мец-Майрик и поставили на растянутый по земле холст глиняный кувшин с вином и миску с соленьями.

Калитка была открыта настежь, и каждый, кто проходил мимо, увидев, что у нас шумное веселье, присоединялся к кефу — пиршеству. И все радовались, что Черная Бумага оказалась ошибочной. А я уже ни капельки не сом-

невался, что про нашу с Грантиком тайну знали все-все на селе, кроме, конечно, Мец-Майрик.

— Дядя Андроник, откуда все узнали про Черную Бумагу? — спросил я, уловив момент.

— Я и сам удивляюсь, — ответил он смутившись. — Понимаешь, я только рассказал об этом своей жене и никому больше, честное слово...

Стемнело, звезды высыпали на черный небосвод, а люди все приходили и приходили. И каждый приносил с собой что-нибудь вкусное, садился в кружок вокруг холста, прямо под открытым августовским небом. Все ели, пили и радовались, что скоро, очень скоро наступит день, когда фашистов побьют окончательно и сельские парни с победой вернутся домой.

Было уже очень поздно, и свет уже догорал в керосиновом фонаре, подвешенном к ветке тутового дерева, когда в калитку вошла нани:

— Ахчи, Машок, свет твоим глазам! — сказала она и — вы не поверите! — подошла к Мец-Майрик и обняла ее так, словно они никогда-никогда не ссорились, а были закадычными подругами.

— Садись, Сона, садись, угощайся свежим лавашем и сыром, — сказала Мец-Майрик, усадив ее на коврик рядом с собой.

Потом, заметив, что мы с братишкой клеем носами, подошла и сказала:

— Геворг, Грантик, идите в дом и ложитесь спать. Завтра с восходом солнца отправитесь в путь — за вами приедет Тигран на арбе и отвезет на станцию узкоколейки.

— А откуда ты знаешь, что завтра взойдет солнце? — спросил я сонным голосом.

Мец-Майрик, задрав голову, посмотрела на усыпанное яркими звездами небо и сказала:

— Завтра обязательно взойдет солнце...

ВОЕННАЯ ТОЧНОСТЬ

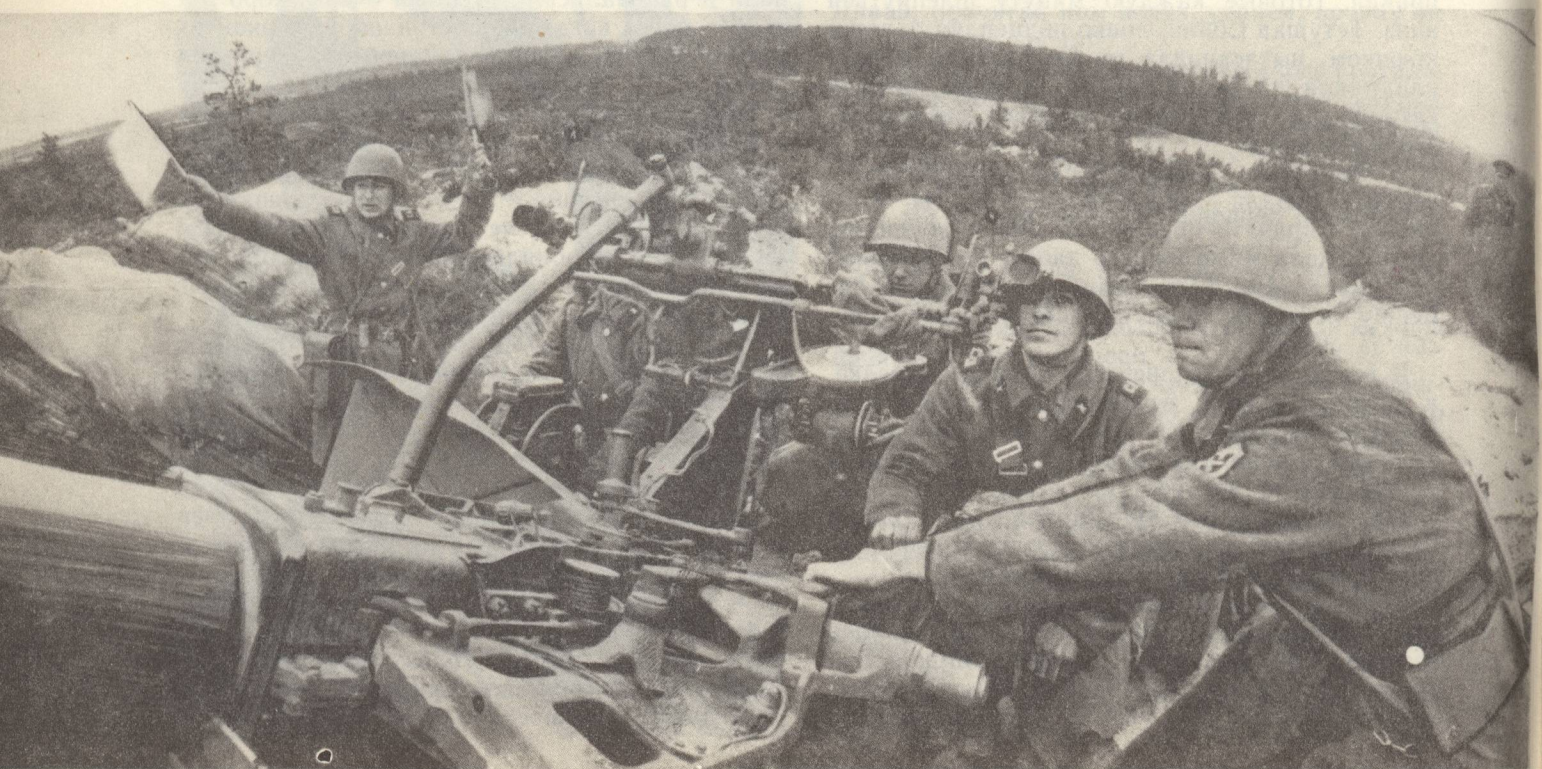
Виктор ШУРЛЫГИН

УТРОМ, когда трава еще блестела от росы, на аэродром приехали десантники. И майор Ковалев, и майор Кабановский, стоя у вертолетов, сразу отметили, что экипировка десантников несколько уплотнена, а груз, который они уносят с собой, тяжелее обычного. Летчики никогда прежде не видели этих людей, ничего не знали о их прошлом. В общих словах им было известно только их будущее — высадиться в тылу «противника», занять плацдарм и, цепляясь за мокрую, холодную землю, держаться до подхода основных сил. Через сорок четыре минуты после взлета десантники должны были приступить к выполнению этой задачи. Через сорок четыре минуты летчики должны были скрытно доставить подразделение на место выброски. Всего на сорок четы-

ре минуты приказ сводил вместе профессиональных военных разных родов войск, и потом их пути-дороги снова расходились — и, быть может, навсегда.

— Товарищ майор, — остановился десантник у самой машины. — Какую точность выхода на точку гарантирует ваш экипаж?

— При этой погоде плюс-минус пять секунд.

— Подходит, — кивнул десантник. — Очень даже подходит.

Они заняли свои места, десантникам оставалось ждать, военным летчикам — работать. Медленно летчик начал вырубать, заняв место на полосе, выполнил контрольное висение — слегка поднял вертолет над землей и проверил на всех режимах работу реактивного двигателя и приборов. Стрелки дрожали на своих местах, тренированный слух не отметил в гуле турбины необычных звуков.

— Я — 461-й, — нажал кнопку передатчика Ковалев, — разрешите взлет по заданию.

— Взлетайте, 461-й!

Рука плавно двинула вперед сектор газа, и турбина отозвалась пронзительным, раскатистым ревом. Машина, чуть накренившись, пошла боком в сторону от полосы. Первые секунды полета, а в наушниках уже щелкнуло и раздался знакомый голос.

— 541-й, мне взлет!

— Взлетайте, 541-й!

Кабановский поднимал свою машину вслед за Ковалевым. Оба — командиры отличных эскадрилий. Майор Кабановский отличился на учениях «Двина», а майор Ковалев — на учениях «Север». Оба одновременно стали летчиками первого класса, одновременно получили звания лучшего стрелка и бомбардира. Но из двух мастеров один всегда должен хоть в чем-то уступить другому — не может быть одинаковых мастеров. И в прославленном гвардейском подразделении, где служат офицеры, однажды решили узнать, кто же из двоих самый лучший. Проверяющие прибегали к самым разнообразным хитростям, стараясь отыскать в действиях асов хоть малейшую неточность — неточностей не было. После долгих раздумий решили устроить гвардейцам последний экзамен. На дальний полигон привезли пару списанных танков и приказали майорам «срезать» с машин башни. Именно срезать, а не сбить —

ювелирно, точно. Летчики поднялись в воздух. Их машины только раз прошли над целью, дали ракетный залп, и две бронированные башни, словно игрушечные кубики, отлетели в сторону. Инженеры замерили линии среза, но так и не смогли решить — кто же лучше стрелял — Ковалев или Кабановский. Оба сработали по самому высокому классу точности, как и положено работать гвардейцам.

Теперь военный приказ бросал летчиков в далекий тыл «противника». И только от мастерства Ковалева и Кабановского зависела судьба десанта и, может быть, всей «операции». Не сумеют скрытно пройти над радарными установками и передовыми позициями «противника» — все пойдет насмарку. И тот, «чужой», берег можно будет захватить лишь ценой огромных усилий. Но это на учениях... А на войне? На войне — ценой многих человеческих жизней.

Ковалев нажал кнопку переговорного устройства:

— Давай самый малый!

Вертолеты шли над самым лесом, прячась в складках местности, почти касаясь верхушек деревьев. Радиостанции обеих машин не работали — их отключили сразу же после взлета, перейдя на режим радиоумолчания, чтобы «противник» не смог их обнаружить по сигналам передатчика. Курс меняли через каждую пару минут, определяя свое местонахождение по приборам и карте.

— Как график, Иван Леонтьевич? — командир десантников поднялся по лесенке в кабину пилотов.

— Нормально, — кивнул Ковалев.

— На сколько минут опаздываем?

— Ноль минут, ноль секунд.

И руки военных летчиков, и глаза, и нервы — все идеально точно работало на этом тяжелом маршруте, мгновенно реагируя на почти незаметный

боковой снос, на дрогнувшую стрелку приборов. Они выполняли задание, как прежде выполняли сотни других, не менее сложных заданий. Случалось, их поднимали по тревоге. Случалось, посылали за сотнями километров от родного аэродрома. Случалось, когда ветер сгибал в дугу огромные сосны и ели, им не приказывали, а просили — поднимать в воздух свои вертолеты и найти среди тысяч льдин одну, на которой унесло в море рыбаков. И они молча уходили в полет, оставляя свои документы замполиту, как на войне, на всякий случай. И выполняли почти акробатические номера, держали машины у самой воды, и долгие минуты ждали, пока последний со льдины поднимется на борт.

— Приготовились, — обернулся к десантникам Ковалев. — Подходим к точке!

Предупредить десантников было его обязанностью, частью его работы. Выполнив ее, Ковалев подумал, интересно, сколько им потребуется времени на выгрузку? Минута? Две? Семь?

— Покажем летчикам класс, ребята, — услышал он голос командира десантников.

Майор улыбнулся. Майору всегда нравились люди, которые умели делать свое дело по-настоящему. Дверь открылась, и ветер бросил в машину запахи цветов, травы, леса. Десантники начали выгрузку. Ковалев взглянул на секундомер. Секунда... Вторая... Четвертая... Пятая... В грузовом отсеке хлопнула дверь, выгрузка закончилась.

Ковалев плавно вывел турбину на максимальные обороты, краем глаза заметив бегущего куда-то вперед командира десантников и в стороне вертолет Кабановского.

Две машины одновременно сделали разворот и взяли курс на аэродром. Бортовые часы отсчитывали сорок пятую минуту полета.

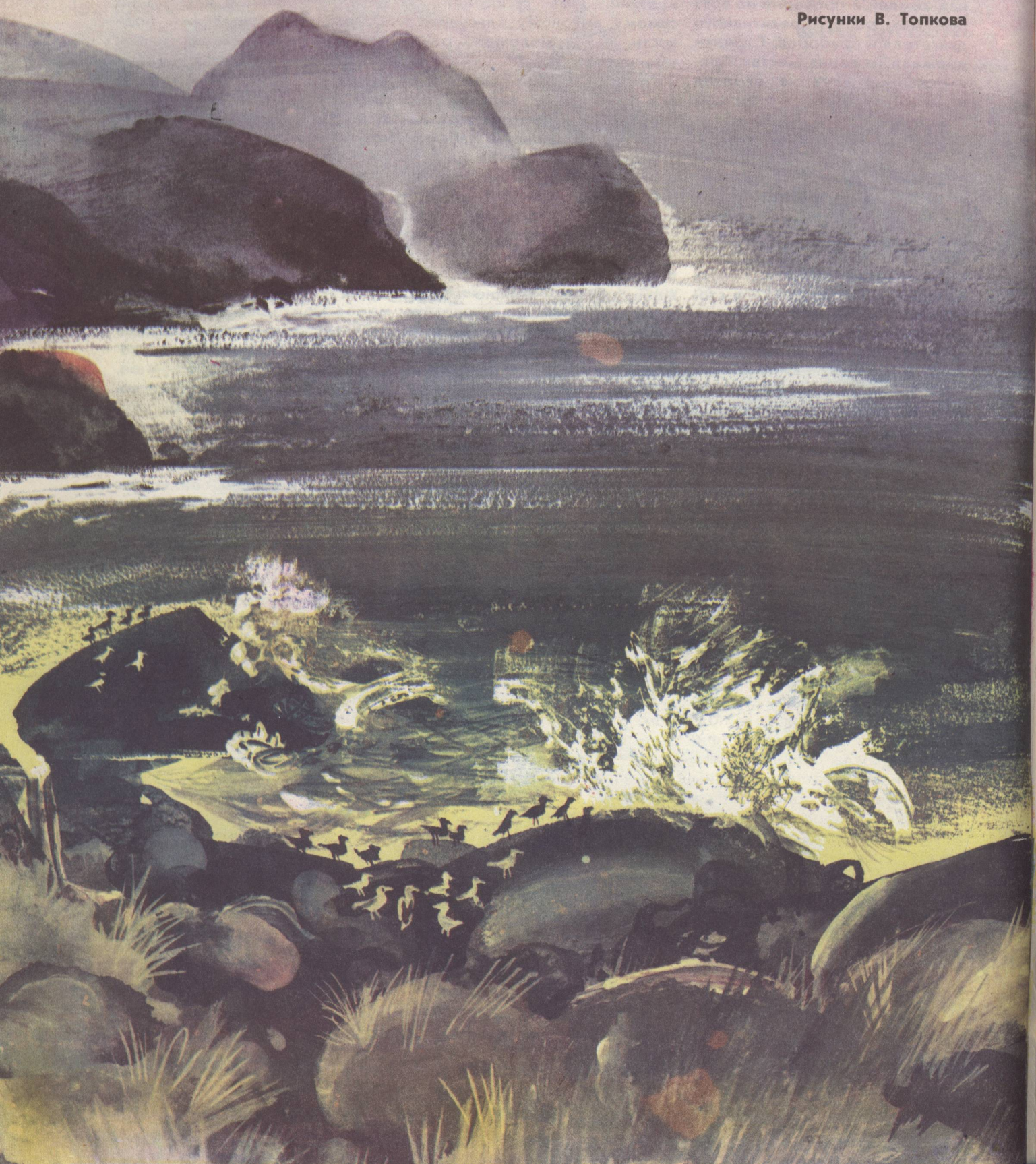
Фото П. Маркина и
О. Пороховникова

РУССКИЙ РОБИНЗОН ЯКОВ МЫНЬКОВ

РАССКАЗ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки В. Топкова

Кто из вас не читал «Робинзона Крузо» — прославленный в веках роман Дефо?! И, наверно, многие знают, что у Робинзона был, как мы теперь говорим, прототип — шотландский моряк Александр Селкирк. Из-за раздоров с капитаном он был вынужден в 1703 году покинуть корабль «по собственному желанию» и прожил четыре года на необитаемом острове Мас-а-Тьерра, в шестистах километрах западнее Чили.

Бытует предание, что Дефо даже беседовал впоследствии с Селкирком в одном из портовых кабачков. Правда, герой Дефо провел на необитаемом острове не четыре, а двадцать восемь лет. Занимательности ради в романе появились Пятница и людоеды, — что же, писатель имел право на художественный домysel, в конце концов за 28 лет чего только не случится даже на необитаемой земле!

Был и в нашей стране свой робинзон — русский зверобой Яков Мыньков. К сожалению, о нем нет подробных рассказов, нет ничего, кроме немногословного упоминания в книге нашего выдающегося морехода В. М. Головнина «Путешествие на шлюпе „Камчатка“». Проходя в 1818 году мимо расположенных

в северной части Тихого океана Командорских островов, он отметил, что «оба сии острова необитаемы; впрочем, сколько вид их ни ужасен и сколь ни неприступны они кажутся, однако ж и на них могли жить люди». И дальше следуют две странички весьма скупого рассказа о том, как промышлявшая в той части света морских котиков Российско-Американская компания высадила на Командоры в 1805 году зверобойную артель. Причем на остров Медный — десятерых человек во главе с дюжим мужиком Шипицыным, а на Беринга — всего лишь... одного Якова Мынькова!

Этим людям суждено было прожить здесь не промысловый сезон, как предполагалось, а долгих и унылых семь лет. И не на субтропической земле Мас-а-Тьерра, а на холодных субарктических Командорах.

Писатель Леонид Пасенюк, сам проживший несколько лет на острове Беринга, проследил некоторые моменты робинзонады Якова Мынькова. Основой для его рассказа о Мынькове послужили отдельные строчки из записей В. М. Головнина и собственный опыт жизни в одиночестве в дни походов по самым глухим и потаенным уголкам острова Беринга.

«РУЖЬЯ ТЕБЕ НЕ НАДОБНО...»

— Пошто я один? Давайте по-божески. Коли так — жребий давайте тянуть, — не очень уверенно настаивал Яшка Мыньков, крепыш лет двадцати пяти. — Пошто мне одному здесь жить-быть, кручиниться?..

Он понимал, что напрасно речи эти ведет, не в почете он у артельного главы Шипицына, были между ними прежде раздоры. Да и кому еще из тех, что на острове Медный назначены, захочется остаться в таком безлюдье? У них

там будет ватага, артель, да еще трое шипицынских ребятишек, да жена его, вон сколько всех!

Шипицын — здоровый, в плечах тулуп трещит, борода, как у апостолов на иконах, крутыми колечками. Зато уж глаза не апостольские, глубоко упрятаны под бровями, взгляд их тяжел и сумрачен. С таким поговори!

— Пошто, пошто, ровно слов у тебя других нету, — забасил он недовольно. — Потому что других моложе ты. В промысле от тебя проку мало, мало ты еще учен. Потому сказано: останешься для караулу, для пригляду за добытыми мехами. Чтобы шкурки-то песцовые не попрели.

Лапищей похлопал Мынькова по плечу:

— Сам понимать должен, каждый заряд на счету. А у тебя не жизнь предвидится — одно баловство. Да и говорено тебе уже: осенью вся артель сюда переберется. От острова до острова на байдаре своей как ни то прошмыгнем.

И он отвернулся от Мынькова, давая понять,

что раз дело решенное, нечего и языки зря чесать.

Прощание было недолгим. Артельные отводили глаза, говорили неверные слова утешения: не пропадешь, мол... потерпи, мол, заради общего артельного дела... Потом, мол, сочтемся!

Мыньков молча перелез через борт компанейского судна и, улучив минуту, спрыгнул в рыскающую внизу на волне шлюпку. Затем на веревке ему спустили мешок с небогатым его имуществом, ржаными сухарями, солью...

Но чуть коснулся башмаком берега, глубоко вздохнул: наконец-то свободен! Сам не ожидал, что обрадуется. Нет над ним Шипицына, который в угоду большому и малому начальству, купчишке-живоглоту из подневольных артельных веревки вил. Теперь Мыньков сам по себе, вот ровно как птица чайка. Даже голова у него от непривычного ощущения закружилась: присел на полузамытую в песке корягу, тихонько слезу по щеке размазал... А, была не была! До осени и без ружья переберется. Здесь рыбы, сказывали, вволю всякой, с голоду не умрет.

РЫБАК ПОНЕВОЛЕ

В поисках мест, более способных для рыбной ловли, обошел Мыньков громадное озеро и уткнулся в речушку, соединяющую озеро с морем. Рыбы в ней было видимо-невидимо, горбы из воды сплошь выпирали. Нерка, покамчатски. Большущая рыба, и мясо у нее сытное. Из моря она пробиралась в озеро, а из озера входила на нерест в ручьи, причем достигала самых истоков, затерянных в сопках.

Мыньков пытался ловить ее руками, но плохо у него получалось, разве что промокал с ног до головы. Полная жизни, сильная и верткая рыба выскальзывала из рук.

Пришлось пустить в ход гвоздь, который Мыньков берег на крайний случай: загнул его и привязал к палке. Удобный получился багорчик для того, чтобы цеплять рыбу за бока!

Мыньков далеко ушел от юрты, где без присмотра остались на вешалах песцовые шкурки. Кто их здесь тронет? И юрта ему летом не нужна — обутому, одетому. Вот пото-

му-то, когда отнерестилась нерка, подался Мыньков искать другие речки, богатые постоянным здешним лососем — гольцом. Любили гольцы совсем невзрачные ручейки, затененные густым ивняком и начинающиеся у береговых террас с небольших водопадов. Сделав запруды из камней, отрезающую путь к морю, Мыньков, бывало, выгонял гольцов прямо на такой водопад. Однажды голец, пытаясь улизнуть, выпрыгнул на скользкий, покрытый влажным бархатом мха порожек водопада, лежит, ровно на подносе, разве лишь петрушкой не присыпан.

«И ведь как, хитрец, приспособлен, откуда сила такая, чтобы отвесную стену одолеть!» — всякий раз поражался Мыньков.

Мыньков этого храбреца пожалел — выпустил, пока не голод. Да, пока не голод. Даже сытно жилось Мынькову. Но однажды посмотрел на изопревшие башмаки, на дыры в холщовой рубахе, на клочковатую меховую безрукавку и понял: пора возвращаться к юрте.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ — ОГОНЬ

Мысль, что на острове придется зимовать, пока не терзала Мынькова. Он изо дня в день с великой надеждой высматривал парус в океане — не возвращается ли артельная байдара? Но паруса не было...

И тут обнаружилось непредвиденное, можно сказать, страшное: Мыньков остался без огня. Эхма, вот глупый-то! О чем раньше думал? Да на возвращение артели без всяких сомнений положился: вот приедут-де, у них полно припасу разного, а нет, так сообща добыть легче! Тем временем и трут истлел, и кресало

сработалось. Чем огонь высечь? Где взять подходящее железо?

В полной растерянности и страхе прожил Мыньков несколько тягостных дней, напряженно соображая, каким образом и из чего извлечь огонь.

Ночью он дрожал под парой прохудившихся байковых одеял и кучей тряпья, — чувствительно донимал его холод.

«Надобно что-то искать, — твердил он себе, — для кресала-то. Ах, досада, нож упал в море, когда леску на палтуса мастерил.

Совсем плохо без ножа, да и за кресало нож послужил бы».

Осененный внезапной догадкой, он чуть не свалился с топчана. Как же он мог упустить из виду?! Ведь где-то валялся обломок бритвы, но где, где?... Мыньков уже и не помнил, когда брился в последний раз.

Лихорадочно начал шарить в ворохе мусора, в шкурах и обрывках веревок, пока не догадался заглянуть в кожаный мешочек, давно уже за ненадобностью выброшенный в сенцы. Вот в нем-то и лежала забытая бритва, точнее, обломок, тыльная сторона которого как нельзя лучше подходила для кресала. Затем, из загодя высушенных нитей таловой коры и волокнистого начеса с одеяла он свил плотный трут.

Первый удар кресалом по кремню, второй, третий... десятый... Сыплются искры. Ага, трут

затлелся, пошел дымок! Ну, а где дым, там и огонь рядышком. Нет дыма без огня, верно говорят.

«В жизнь мою ничему так не радовался, как тогда!» — скажет он впоследствии своим спасителям.

Подступили холода. До боли в глазах всматривался Мыньков в недобрые волны. Артельной байдары не было.

В занесенной снегом юрте Мыньков перенес первую, самую мучительную зиму. Заранее он к ней не подготовился. Даже в мыслях не имел зимовать на острове. Вот и не запасся ни теплой одеждой, ни пропитанием. Однако всего нужнее был для него огонь. И, по его признанию, он «с трудом мог добывать его».

Но добывал! Потому что без огня Мынькову ничего не оставалось, как только погибнуть.

БЕЗ СОЛИ НЕ ПРОЖИВЕШЬ

Да, едва ли не главное в жизни человека — огонь. Но и без соли не проживешь.

Соли Мынькову отсыпали с некоторым даже избытком, но ведь не на два, не на три года! Совсем другой был расчет. Правда, к тому времени, как кончилась соль, нужда многому Мынькова научила. Вот и мясо птиц, пойманных на скальных базарах, он приловчился варить в морской воде. Отварив раз, менял воду и варил снова, тогда мясо становилось достаточно просоленным. Кроме того, соскребывал налет соли с вымоин на рифах, откуда в часы отлива испарялась вода. Словом, кое-как обходился и даже, памятуя горький опыт, запасал щепотку по щепотке на зиму. Приедут за ним или нет, но дождаться своих товарищей сложа руки он теперь не намерен.

А сахара и вовсе он не имел. Однако имел представление, как его добывают камчадалы. Но ведь и на острове растет тот же лопушистый борщевик, по-камчатски, агататка; русские называют ее сладкой травой. Нужно

на прутиках агататки обдирать верхний слой кожуры, а середку переплетать таловым лыком и сушить, подвешенную на солнце. Когда агататка высыхала, то становилась белой от проступившей сладкой пыли. Высушенный прутик можно жевать, можно истолочь, чтобы получилась сахаристая мука.

Так у Мынькова проходили день за днем то в приготовлении впрок сахара, то в кропотливой добыче соли, то в заквашивании конского щавеля на зиму, чтобы цинга зубы не расшатала. Но вечерами, когда не спалось, одолевало его беспокойство: «А что, если приехало за нашими на Медный судно и взяло их, а меня, бедного, оставило здесь без милосердия?» Мысль эта была непереносима, и тогда он придумывал еще какие-нибудь занятия, чтобы отвлечься, даже, бывало, посреди ночи встанет и начнет сшивать жилами меховые лоскуты — то рукавицы у него получались, то треух...

В одном был он теперь уверен: худо-бедно переживет и следующую зиму.

ЗИМНИЙ ПРОМЫСЕЛ

Шурх-шурх, шурх-шурх, шурх-шурх, — поют свою скрипучую песенку корытообразные, подбитые нерпичьей шкурой лыжи. Конец зимы, уже почти апрель, — именно в такое время Мыньков решался уходить далеко от юрты.

Вдруг что-то забугрилось под настом, странная началась возня, и Мыньков наострил уши. Не успел, однако, шагу ступить, как, с шумом взметывая и расшвыривая снег, вспорхнула куропатка. Ну, красавица! Вся в белом зимнем уборе, будто и вовсе ее нет. Только глаза как черные угольки. Да еще когда взлетит, в распахнувшемся веером хвосте явственно обозначатся черные перья. Не иначе как знак остальным: во-он куда я полетела; давайте все за мной!

Мыньков захлопал ей вслед рукавицами, засмеялся: ни разу ему не удалось захватить птицу под снегом врасплах, чуткая... Да и не шибко стремился, знал на нее другую управу. Когда-то подсмотрел, как алеуты устраивают для куропатки ловушку. Отполированным до блеска круглым чурбачком выжимали в снегу глубокую лунку и сыпали на ее донце горсть таловых почек либо чего другого. Затем смачивали лунку водой, чтобы стенки обледенели. Ткнувшись вниз головой за приманкой, птица выбраться назад уже не могла, — крылья ей мешали.

Но не только ради проверки лунок бегал Мыньков далеко в округе. Еще с лета заприметил особо пышные места шикши-водяники, которую не трогал, и только теперь, ближе

к весне, разгребал снег и собирал перестоявшую, винную на вкус ягоду. Он ел шикшу просто так, лакомства ради, а кроме того варил ее в китовом либо тюленьем сале на алеутский манер, — тогда и сало не казалось таким отвратительно жирным. Здесь-то он и вспугивал куропаток: они тоже искали шикшу.

В затененных местах ложбин, где сугробы не таяли даже летом, хранил в снегу Мыньков

яйца, собранные когда-то на птичьих базарах. Так что мог он посреди зимы и пир закатить с куропаточьим мясом, яичницей, с ягодой шикшей и квашеным щавелем!

Да и незамерзающее море выручало: среди рифов ракушки разные, шипастые ежи с остро-сладковатой икрой, не говоря уже о рыбе. Все съедобно, даже в сыром виде, если недосуг огонь развести.

КИТАЙСКИЕ ПАЛОЧКИ

Берега острова были как огромные, чисто промытые окна в мир пустынный, но где-то там, за каким-то пределом все же клокочущий, громыхающий, живой. Нет-нет да и получал Мыньков из этого мира весточки. Однажды набрел он на разбитый плот со слегой, в которой торчал железный крюк. Раскалил его Мыньков на жарком огне и как мог перековал — добрый нож получился! Бамбуковое дерево, выброшенное накатом, разрезал на дольки, оставив в каждой перемычку вроде донца. Чем не посуда для питья, для хранения жира, допустим? Вообще же посуды стало у него со временем вдоволь. Принесло ему море из дальних краев японскую лаковую чашку с восходящим солнцем и разными рыбами, наведенными золотой краской. Вот еще кокосового ореха скорлупу... Даже плоские раковины мамаев, мясо которых, умело сваренное, было нежно, как у раков, годились как мелкие тарелочки.

Но бывали и огорчения. Увидел Мыньков плывущее вдали дерево, а на нем будто бы

мешки. Подумал: плот, а мешки, быть может, с мукой, пусть подмокшей, пусть даже там тесто горькосоленое получилось. Не беда. Все-таки хлеб! Велико же было его разочарование, когда он убедился, что вовсе то не мешки, а обыкновенные древесные наросты на бревне. Просто издали почудилось.

А то, собирая весной по отливу мамаев для трапезы, нашел Мыньков полузамытую в песке продолговатую коробочку, всю в перламутровых чешуйках. Изображали те чешуйки картину: остроглавая курящаяся гора, сказочный домик у подножья и ладья под круто нависшей, с завитушками, волной. Взял он коробочку, испытывая дрожь нетерпения: что же в ней, что?.. И есть ли что-нибудь вообще? Увы, лежали в коробочке не драгоценности, не камни-самоцветы — китайские палочки для кушанья. Сам Мыньков не видел, как ими можно есть, но кто из зверобоев бывал в Кантоне, пособляя купцам в продаже бобровых и котовых мехов, сказывали, что китайцы шустро-шустро в харчевнях орудуют ими.

Расстроился было Мыньков бесполезности находки, но потом рассудил здраво: все же от людей, от Большой земли напоминание. Держись, мол, Яков! Напряги силы. Выручим.

Спасем. Сегодня китайские палочки, завтра бутылка с ромом на доньшке, пригодившимся тебе для растирания ушибленной ноги, а после-завтра... гляди, и паруса корабля покажутся!

РАДУЖНЫЙ ПРИЗРАК

Парусов не было. Но иногда в далеких бухтах Мыньков натывался на останки таинственных кораблекрушений. В такие дни море особенно угнетало его — огромное, безъязыкое, равнодушное. Ни пожаловаться, ни вымолить спасения... Вот корабли... Что это были за корабли? Где они потерпели бедствие? Быть

может, враждебные Мынькову люди ими правили, черные корсары бостонские?.. Схватят они Яшку и продадут в рабство в жаркие земли, где трава под солнцем жухнет. Такие случаи бывали. Э, нет, с него достаточно! От собственного барина из крепостных сбежал на край света.

Долго Мыньков был сам не в себе, обнаружив, что кем-то разграблен тайник, какие он устраивал по бухтам на случай вынужденного ночлега. Ну, куда мог запропасться оловянный ковш — едва ли не единственная его посуда для варки пищи? Быть может, кто-то из шипицынской артели через пролив перебрался и теперь ищет его? Или кто-то во время крушения спасся?

Мыньков часто оглядывался. Каждую бухту, прежде чем войти в нее, напряженно рассматривал из укрытия: нет ли следа человеческого, нет ли дымка?.. Но нет, бухты простирались в тягостном безлюдье, за сеткой дождя и мороси были они унылы и дики.

Ковш вскоре нашелся в сотне метров от тайничка у еле приметной песчовой норы. Чему удивляться? Песец тащит из-под носа что ни попадя, лишь бы досадить человеку, — Мынькову ли не знать. И все-таки... Ну зачем песцу оловянный ковш? А ни за чем. Для потехи. Они ведь шутники.

Все же ничто Мынькова так не напугало, как некое им не разгаданное явление на исходе пятого лета одиночества. День клонился к закату, местами в сопках было чуть мгристо. Мыньков шел с мешком из нерпичьей кожи, доверху набитым подосиновиками. (Вот еще несуразность какая: нет на острове леса, ни осин, ни берез, ни другого дерева, а грибы растут на загляденье — подосиновики, подберезовики, даже белые). Торопился до тумана выйти к морю, грибов стушить, горяченького поест.

Оставалось спуститься в ущелье, чуть затянутое облачно-туманной пеленой, — и вот он,

берег. Низкое солнце бросало на эту пелену дымчато-золотистые лучи. И вдруг Мыньков споткнулся, оцепенел. В зыбком сквозящем облаке он увидел самого себя — свою темную тень, окруженную двойным кольцом радуги. Одно кольцо цветисто мерцало вокруг как бы слегка приподнятой над туловищем головы в трюхе. Туловище тоже было взято в радугу. И вся эта зловеще прекрасная разъединенная фигура молчала. Лишь призрачно перемещался пронизывающий ее туман.

Мыньков глухо вскрикнул, как бы поперхнулся криком и побежал, рассыпая грибы, не оглядываясь, охваченный суеверным ужасом. Но на спуске с крутизны все-таки оборотился — любопытство пересилило испуг. Призрака не было. Облако уплотнилось.

— Свят, свят, свят! — запоздало осенил он себя крестным знамением. — Сгинь, нечистая сила!

Нечистая сила? Но почему? Быть может, чудо божественное? Тогда что бы оно значило? Доброе это или дурное предзнаменование?

Редкое оптическое явление, представлявшееся набожному человеку чудом, Мыньков все же воспринял как добрый знак. Как некое веление: не сиди, Яков, действуй! Не едут к тебе товарищи? Но почему бы тебе самому не поехать к ним? Сколько ты еще будешь ждать и маяться? Почему не попытаться самому смастерить байдару, чтобы переплыть пролив? До острова Медного едва ли верст сорок пять наберется, в ясную погоду кажется — рукой подать.

Почему не рискнуть — с острожкой, с оглядкой? Авось да получится!

БАЙДАРА, КАК У АЛЕУТОВ

Позже Мыньков скажет с обидой: «Тщетно я ждал своих товарищей, которые обещали за мною приехать, но не бывали. Я боялся, не утонули ли они, переезжая через пролив».

И вот он стоял на берегу этого пролива, не зная и не ведая, что его товарищи даже в мыслях не держали прийти к нему на помощь, погруженные в свои собственные заботы и ссоры. Ближние к Мынькову островки и рифы сплошь были завалены здоровенными тушами сивучей — морских львов. Лежали кое-где и мертвые львы, и нерпы тоже, но еще такие, шкуры которых не поздно было использовать для выделки кож. Ибо, как мы знаем, замыслил Мыньков соорудить здесь легкую байдару на манер алеутской.

Жаль, что вычищенные от жира, с соскобленной шерстью, кожи долго еще оставались сырыми, тяжелыми, а быстрая сушка у костра делала их хрупкими. Но все же сумел Мыньков изготовить потребное число прочных кож. Затем он принялся обтягивать ими заранее связанный из гибких прутьев каркас однолюдной байдары. Словно кокон получился. Незатянутым Мыньков оставил только люк. Умостив-

шись в нем, нужно было лишь поднять горловину из кож и крепко затянуть ее под мышками. Хоть перевернись — вода внутрь байдары не проникнет. Понятно, что все-таки страшно, а что делать? Надобно попробовать. А чтобы и самому не промокнуть, сшил Мыньков еще в юрте из сивучьих кишок камлейку с капюшоном. На руках у запястий и вокруг лица камлейка наглухо стягивалась шнуром.

И вот однажды, взяв запас пищи и воды, решил Мыньков оттолкнуться от берега. Был солнечный тихий день. Вдали проступала исчербенно-ребристая синеватая земля. Но попробуй доберись!

Байдара была легка в ходу, но вся сгибалась и разгибалась, ребра-шпангоуты тягостно скрипели, и эту подвижность Мыньков ощущал всем телом. Любой сивуч мог прокусить байдару, любая касатка — опрокинуть, и уповал Мыньков лишь на то, что как-нибудь обойдется, что зверь не тронет.

И вот, когда Мыньков уже изрядно втянулся в пролив, он увидел вдалеке по курсу стадо китов-кашалотов, беззаботно резвящихся и пускающих фонтаны. Понаблюдав за ними,

он убедился, что стадо никуда не движется, и это его обеспокоило. Куда же теперь плыть? Не к китам же в гости, на самом деле, — махнет какой-нибудь шутя плавником, и нет ни Мынькова, ни его байдары! Обойти бы это стадо, но как? Забрать круче в океан — до темноты к Медному не пристанешь, а вдруг еще туман навалится? При одной мысли о тумане Мынькова пробирал озноб! Взять влево? Но влево его и без того волна подталкивает.

Пока Мыньков все это с поспешностью прикидывал и рассчитывал, время было упущено. Он осознал, что ничего уже решать не нужно, что его сносит влево, в Берингово море, и что остается скорее править назад. В то место, откуда он утром отчалил, ему тоже не попасть, — да и неважно, лишь бы зацепиться за такой желанный, такой теперь родной остров Беринга.

От частых взмахов двухлопастным веслом ломило в плечах, руки раз от разу обвисали, как плети, на заскорузлых ладонях вздулись и давно уже полопались волдыри. В голову толчками ударяла кровь, так что темноло в

глазах. Порою чудилось, что берег рядом, и можно развязывать горловину люка... Но Мыньков не поддавался миражам, вызванным смертельной усталостью. Понимал: если ослабится — погибнет. Но для того ли он пять лет уже мыкает здесь кручину одиночества, чтобы так глупо, не доплывя нескольких верст до желанного берега, утонуть! Эх, мореход из него липовый — на что замахнулся, на океан, мыслимо ли!..

К ночи, издерганный, с разламывающимся во всех суставах телом, попал он в буруны у рифов. Его опрокинуло раза два вместе с байдарой, но последним усилием, резкими толчками туловища Мыньков ставил ее на киль. Байдара была послушна, словно и впрямь понимала слабеющую волю Мынькова.

Нагромождения скал, их расстановка, гроты, в которых бесновался накат — все это было ему внове. Видно, не забредал он сюда раньше... «Главное, слава создателю, земля, твердь, главное — доподлинно мой, мой остров!» — подумал он в полубеспамятстве и упал на гладкие, окатанные штормами голыши.

ОЧЕНЬ БОЛЬШАЯ ВОЛНА

Ровно, домовито, уютно горел костер. В ковше закипал чай.

Прельстившись затишком в бухте, Мыньков остановился на ночлег рано. Бухта была маленькая, замыкая ее, от берега уходили две сглаженные каменно-литые стены, терявшиеся в глубине моря. Словно кто-то нарочно поставил ограду.

Под одной из стен Мыньков опрокинул кверху днищем байдару и выровнял камни для ночлега. Байдару он тащил на себе, как улитка раковину. В часы спокойного отлива, случилось, и плыл вдоль берега, чтобы сократить утомительный путь через нагромождения исполинских глыб и скальных обломков.

Управившись с постелью, решил поискать по стыкам щебеночных осыпей в замшелых расщелинах кислицу. Ее сочные листики были проверенным средством против цинготной болезни, и Мыньков любил класть их в чай для вяжущего вкуса и как заварку. Сахар из агататки давно кончился, и теперь, возвратясь к юрте, следовало на исходе лета поторопиться с его заготовкой на зиму.

Когда он в поисках кислицы взобрался повыше на кручу, почва под ним стала знакомо дрожать, послышался все нарастающий гул — землю сотрясло несколько раз кряду. Качнулись желтые вершины сопок и словно пошли на сближение друг с другом, берег начал странно сползать под откос к морю. Посыпались камни, с треском высекая при столкновениях слепящие искры; запахло гарью, как от ударов кресалом.

Так же внезапно толчки прекратились. Однако Мыньков долго не решался выйти из-под скалы. А когда все же вышел, увидел пора-

зительную картину: дно бухты оказалось осушенным, во влажной впадине ее блестели спутанные пластины водорослей и трепыхалась среди них разная рыба. То одна, то другая вдруг судорожно сверкнет брюхом... И это ничего хорошего не предвещало!

В эти самые минуты где-то в океане уже встала на дыбы и неумолимо катилась к берегу водяная гора.

Видел Мыньков уже такую большую воду, появившуюся однажды после трясения земли и поглотившую селение на одном из островов Алеутской гряды. Спаслись только те, кто по какому-то, быть может, таинственному внушению или от безотчетного страха кинулся бежать повыше в сопки. А кто остался у своих барабор да еще на рыбу позарился, — те враз и сгнули.

И пока это воспоминание ярко высветилось в памяти у Мынькова, пока он исступленно карабкался вверх по щебеночной осыпи, вдали, хищно белея высоким всклокоченным гребнем, показался чудовищный накат. Рухнула с тяжким грохотом лавина воды, забурили водовороты, померк белый свет. Была у Мынькова байдара — и не стало ее, а вместе с ней унесло и кое-какой походный скарб. Ладно еще, что кресало и трут при нем! Как самую большую драгоценность, носил он их на шее в мешочке.

— Ладно, — сказал он вслух, — слава те, и на сей раз пронесло... Надобно идти дале, ждать-то чего, какой такой благодати? Таперича мне бы к юрте живей. Слава те, есть же у меня юрта, угол мой добрый. Да я богач! Мне бы только к юрте...

Где-то впереди с шумом все еще осыпались камни, редко погромыхивало — то были отголоски недавних толчков, всколыхнувших сто-

верстную грядку островных сопок. Пусть громыхает, самое страшное уже позади. Байдары у Мынькова нет, и, чтобы не докучали камнепады, он может подняться в сопки, идти по их зеленому, радующему глаз мягкому кочкарнику.

Еще два года он будет привычно высматривать паруса и надеяться на лучшее. И трудиться не покладая рук: заготавливать пропитание, дрова на зиму, дубить на одежку песцовые и птичьи шкурки, утеплять юрту. И только труд поможет ему выстоять в неравной борьбе с суровой природой этой земли. Только постоянный, до пота, а то и до изнеможения труд.

И однажды он наконец увидит далекий парус.

Компания наконец-то «вспомнила» об оставленных на Командорах «промышленных людшках», и в мае 1812 года по пути в Охотск туда завернул бриг «Финляндия». Командовал им искусный штурман И. Ф. Васильев. И все то, что сообщил нам о Мынькове в своей книге В. М. Головнин, было взято им из вахтенного журнала брига «Финляндия».

Итак, штурман Васильев сперва посетил остров Медный, где бедовала зверобойная артель Шипицына (все десятеро робинзонов были живы-здоровы, и среди них, как мы знаем, трое детей), а затем пошел к острову Беринга. В виду острова, поблизости от предполагаемого жилища Мынькова, был дан залп из трех пушек и поднят на бригае флаг. Вскоре после этого на берегу показался человек. «Тотчас приказал я спустить лодку и идти за ним, — сообщает Васильев. — Через час посланные привезли того человека на судно. Надобно быть свидетелем его удивления, восторга и благодарности, чтоб описать сие! Долго он не мог промолвить ни слова и только проливал слезы, стоя на коленях, поднимая руки к небу».

Так был спасен Яков Мыньков.

Однако дальнейшая его судьба неизвестна, да и вся эта его робинзопада требует дополнительных розысков и уточнений. Начать хотя бы с того, что сам И. Ф. Васильев спустя полтора — два месяца утонул в реке Охте (близ Охотска), переправляясь в байдаре на берег. Будь он жив, возможно, мы бы знали о командорском робинзоне гораздо больше, наверное, имели бы даже книгу о нем. Ведь, надо полагать, после известной нам записи в вахтенном журнале И. Ф. Васильев по пути в Охотск беседовал с Мыньковым не раз.

Бесследно пропал и самый вахтенный журнал И. Ф. Васильева (а Головнин, к сожалению, не сообщает, где и при каких обстоятельствах он сделал из него выписки). Остается лишь надеяться, что пройдет время, историки и литераторы найдут в пыли архивов и прочтут какие-либо случайные записи, документы, свидетельства очевидцев, в которых вдруг промелькнет и имя русского робинзона Якова Мынькова.

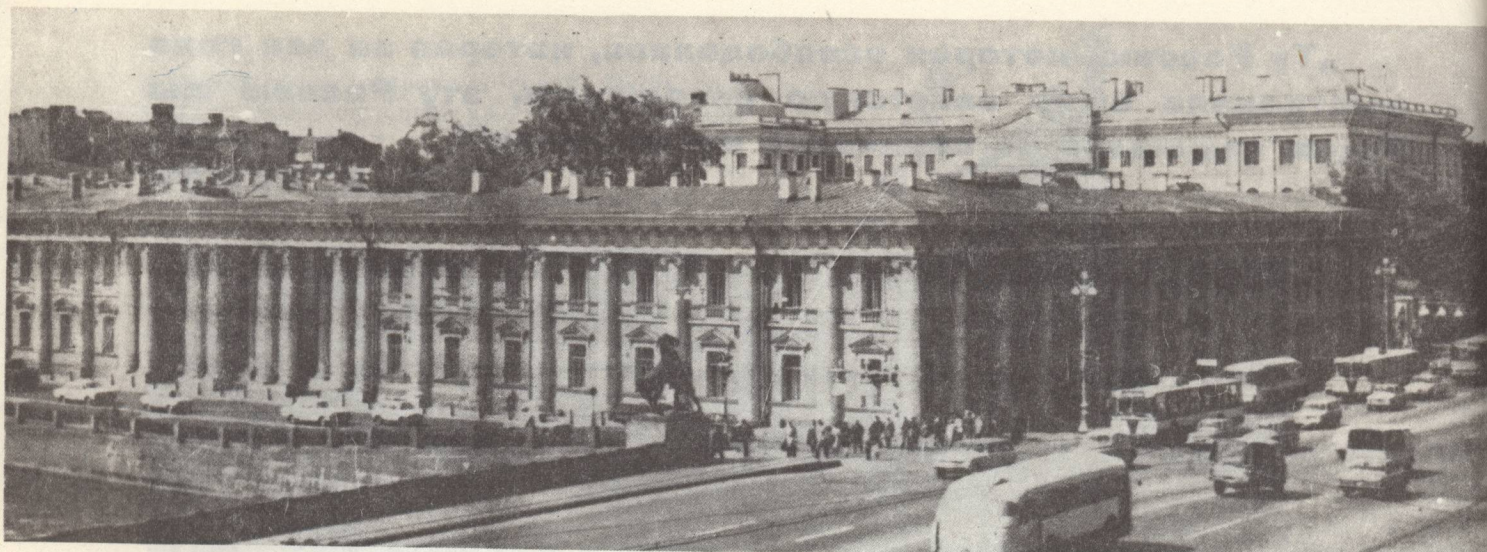
**„Ту Россию, которая освободилась, которая за два года
выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы
будем защищать до последней капли крови!“**

В. И. ЛЕНИН

Посмотри внимательно на эти снимки. Видишь, как первые полки Страны Советов уходят в бой. Многие бойцы—в лаптях. А вот—знаменитая тачанка и один из первых советских танков. Его построили рабочие Петрограда. Конечно, все это просто невозможно сравнить с силой и могуществом сегодняшней нашей армии. Но снимки говорят не только об этом: история Советской Армии—это история постоянной заботы нашего народа о своих защитниках.

ЛЕНИНГРАДСКОМУ ДВОРЦУ ПИОНЕРОВ

40 ЛЕТ

Ровно сорок лет назад поэт С. Маршак посвятил одно свое стихотворение торжественному событию в жизни ленинградской пионерии — открытию Дворца пионеров.

*Фонтанка плещется, как встарь
Над ней стоит Дворец.
Но в дом,*

*где жил когда-то царь,
Пришел другой жилец...*

Какой это был замечательный, счастливый для ребят день! От самого сердца прозвучали в этот день слова: «Спасибо родной Коммунистической партии за наше счастливое детство!..»

Целый квартал на Невском проспекте, в центре города, сегодня занимает Дворец пионеров имени А. А. Жданова. И это не только белоколонный дворец — детище замечательных зодчих Растрелли, Кваренги, Росси. Это богатые новые корпуса, построенные на ваших глазах, строящиеся в наши дни по плану десятой пятилетки.

600 различных кружков и 15 клубов — выбирай на вкус!

Переполнены залы. Шумно, празднично в гостиной, где ребята встречаются с героями десятой пятилетки — рабочими

Взволнованно слушают ребята рассказ ветерана КПСС, участника Октябрьского вооруженного восстания, Героя Социалистического Труда Василия Петровича Виноградова

Экскурсию по главному конвейеру Кировского завода ведет Герой Социалистического Труда токарь Борис Михайлович Воробьев

Пионерская телевизионная студия Дворца. Отсюда идут передачи на всю страну. За пультами управления юные техники

Юные конструкторы, воспитанники Дворца пионеров Алеша Акимов и Женя Майоров со своей действующей моделью „Лунохода“

По заданию ленинградских ученых каждое лето работают в различных заповедниках страны — Окском, Воронежском, Черноморском, Кандалакшском члены клуба юных биологов. Они — активные участники всесоюзной операции „Зеленый наряд Отчизны“

Бывший председатель совета клуба геологов Саша Серебрицкий, кандидат геолого-минералогических наук, ведет занятие в клубе

и учеными, геологами, космонавтами, строителями. Это запомнится на всю жизнь.

Душа каждого пионерского коллектива — запевапы пионерских дел на марше «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!», выдумщики, фантазеры, энтузиасты. А короче — отличные ребята! Есть такой коллектив и во Дворце пионеров — Городской пионерский штаб. Редакция посоветовалась с членами штаба, с чего же начать свою короткую экскурсию по Дворцу пионеров. «Конечно же начинать надо с отдела техники!» — сказали в один голос члены штаба.

Автоматика, телемеханика, радиотехника, фото- и кинотехника! Настоящий заводской цех — машиностроительная лаборатория. За токарными, фрезерными, строгальными и сверлильными станками — мальчишки. Лица серьезные, движения уверенны... Здесь

Летчик-космонавт СССР Владимир Александрович Шаталов помнит, как когда-то, еще до войны, он занимался в планерном кружке Дворца. Каждый раз, приезжая в Ленинград, космонавт непременно заходит во Дворец

овладевают рабочим мастерством. Результаты труда — действующая модель трактора «Кировец» побывала на Выставке достижений народного хозяйства СССР. Ребята — дипломанты ВДНХ!

Не раз Дворец помогал пионерам выбрать дело на всю жизнь, стать человеком активным, знающим, целеустремленным, полезным Родине.

Рабочие, конструкторы, инженеры, педагоги, геологи, спортивные тренеры не забывают Дворца. И не только приходят во Дворец пионеров на

встречу с младшими товарищами, а и возвращаются руководителями кружков, клубов, ансамблей, консультантами, наставниками.

Свой театр, свой ансамбль,

свой корабль. Есть свой корабль у морского клуба «Юнга». Юные моряки умеют грести, управлять шлюпкой, прокладывать курс корабля. Среди воспитанников «Юнги» есть даже капитаны дальнего плавания!

Члены городского пионерского штаба посоветовали нам включить в экскурсию по Дворцу и заочное путешествие в «Зеркальный» — лагерь пионерского и комсомольского актива.

Хорошо отдохнуть среди сосен, голубых озер, чистейшего лесного воздуха! Уезжают ребята из «Зеркального» настоящими пропагандистами всего нового, что есть в пионерской жизни страны.

Расти и крепнуть Дворцу пионеров! По плану десятой пятилетки ежегодно на учебную и массовую работу, на переоборудование лабораторий, на оснащение клубов страной отпускается почти полтора миллиона рублей. Немалая сумма. А ведь обучение в кружках бесплатное!

Настоящими ленинцами растит Дворец пионеров юную смену. За успехи в воспитании пионеров и школьников Ленинградский Дворец пионеров имени А. А. Жданова награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Фото А. Ритова и В. Савика

**Соревнования
по художественной
гимнастике
на стадионе
„Зеркального“**

Ансамбль пионерской песни и танца — лауреат премии Ленинского комсомола. Хор, симфонический оркестр, танцевальные коллективы — более тысячи ребят в ансамбле

ЗЕМЛЯНКА

Прошлым летом в походе мы пришли на поляну.
Все устали изрядно, трудный выдался путь.
Наш вожатый ушел за водой, по туману,
Крикнув мне: «Алексей, про костер не забудь!»

Он сказал и ушел, на ходу напевая.
А деревья, как в сказке, поднялись стройно ввысь,
Полыхал наш костер, словно брат, согревая,
С языками огня хворостинки сплелись.

Вдруг вожатый: «Ребята! Идите скорее!
Тут под елью — землянка, а дальше окоп.
Подойдите поближе. Вы видите, где я?
Станьте в круг. Не толпитесь. Осторожнее. Стоп!»

Позабыв про усталость, забыв все на свете,
Мы по сгнившим ступенькам внутрь землянки вошли.
Лес молчал, и замолкли притихшие дети.
Здесь, в забытой землянке, патрон мы нашли.

И пошел эстафетой проржавевший кусочек
По рукам нашим детским, обжигая сердца,
И лежал на ладони пожелтевший листочек,
Тот священный, посмертный автограф бойца.

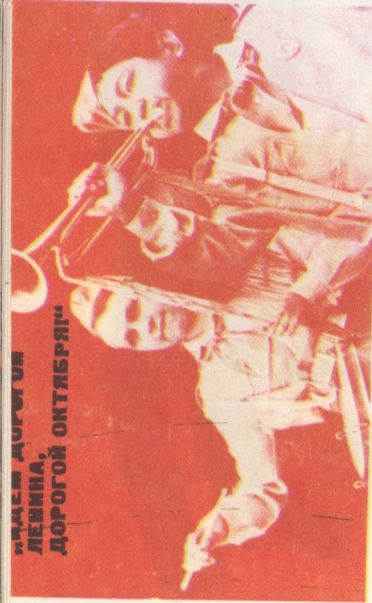
Нам писали солдаты, молодые, безусые,
Те, что Русь родила в самом тихом краю.
Мы читали слова их, суровые, грустные:
«Умираем, нас трое, остаемся в строю».

Что с тобой, наше солнце? Ты чернеешь от дыма,
И не птица летит — «мессершмитт», самолет,
И не пчелы, а пули проносятся мимо,
Не кузнечик стрекочет — строчит пулемет.

Мы ушли на рассвете. Мы не знаем их лица,
Мы не видели этот решительный бой.
Мы пришли на поляну — и было нас тридцать,
Мы ушли, унося их три сердца с собой.

*Алексей Панов,
8-й класс, Москва*

На марше, посвященном 60-летию Октябрьской социалистической революции, каждый отряд, каждая пионерская дружина знакомятся с историей, героическими традициями советских вооруженных сил. По долгу чести юные ленинцы участвуют в сооружении и охране памятников борцам за установление Советской власти, героям гражданской и Великой Отечественной войн, памятник комсомольцам и пионерам, держат почетную вахту у Вечного огня. Совсем немного времени остается до VII Всесоюзного финала «Зарницы», который тоже посвящается 60-летию Великого Октября.

Не забывайте традиций тимуровского движения, оказывайте помощь младшим, заботьтесь о ветеранах войны и труда, своих родителях, бабушках и дедушках, обо всех, кто нуждается в вашей заботе. Будьте убежденными патриотами-ленинцами! Готовьтесь в своем пионерском отряде стать сильными, ловкими, смелыми! Готовьтесь к труду и обороне своей советской Родины!

Участники шестого Всесоюзного финала „Зарницы“

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

ФЛАГ АВРОРЫ

ОТКЛИКАЮТСЯ СЛЕДОПЫТЫ

(Репортирует отряд «Сигнал» пионерлагеря «Молодая гвардия» под Одессой).

«Приказ был прост и каждому был ясен — громить врага, Одессу отстоять!» Эту песню сложили матросы эсминца «Беспощадный».

Глухой осенней ночью 1941 года они высадились на берег Черного моря в районе села Григорьевка под Одессой, чтобы нанести внезапный удар по врагу. Фашистские дивизии были разгромлены, отброшены на много километров от города.

Есть памятник героям морского

десанта — бронзовый матрос с гранатой в руке. У памятника всегда люди.

Сейчас у села Григорьевка высадился новый десант — трудовой. День и ночь могучие ковши экскаваторов вынимают грунт, углубляют дно. Началось строительство еще одного порта на Черном море. Это крупнейшая стройка десятой пятилетки.

Однажды запел горн, заговорили барабаны... Это наш отряд пришел в гости к рабочим, строителям порта. Нам рассказали, каким будет этот порт. Показали, где будут причалы, где построят новый город — спутник города-героя Одессы.

Самый большой букет мы подарили бригадиру копровщиков Герою Социалистического Труда Ивану Ананьевичу Палия. Это замечательный человек! Он стал гидростроителем после войны. А всю войну возводил переправы, потом восстанавливал разрушенную фашистами Одессу, забивал первую сваю будущего порта.

Нам нравится бывать у строителей. Мы выступаем с концертами для рабочих. И обязательно заходим в детский сад. Тиберий Золтан шил чебурашку для малышей. Галя Панирковская учит делать кукол из соломки, Света Сторожук — мастерить парусники из ракушек...

**ЮНКОРЫ! «БАРАБАН» ЖДЕТ ВАШИХ
РАПОРТОВ О ХОДЕ ПИОНЕРСКОГО
СБОРА-ПОИСКА «ФЛАГ „АВРО-
РЫ“» [ОБРАЩЕНИЕ СМОТРИ В
«КОСТРЕ» № 9, 1976 г.]**

ЮДП — ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ ПОГРАНИЧНИКОВ. ОТРЯДЫ ЮДП СОЗДАЮТСЯ В ПОГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ НАШЕЙ СТРАНЫ. ВОЖАТЫЕ И ИНСТРУКТОРЫ В ЭТИХ ОТРЯДАХ — ОТВАЖНЫЕ СОВЕТСКИЕ ПОГРАНИЧНИКИ.

МЫ-ЮДП!

Это значит: мы — юные друзья пограничников!

«Повезло» — даже не то слово. Мы живем возле самой государственной границы СССР. И инструкторы — пограничники с заставы уже давно ведут у нас такой кружок — ЮДП.

На заставе мы знакомимся с тем, как обучают овчарок, как они берут посылу препятствий и преследуют «нарушителя». Пограничники учат

Tilboi

РОВЕСНИК

Мы любим бывать на заставе, ездить туда агитбригадой, с концертами, особенно в День пограничника (я в нашем оркестре — ударник). У нас в школе все любят шефов, на все наши праздники мы приглашаем их к себе. У нас есть выпускники школы, которые служили пограничниками. И есть пионеры, которым посвящали красный галстук лучшие шефы с заставы!

Виктор Черешко,
Брестская область

№3 ПОЧТЫ

Вот отряд идет собирать шишки — сменной фонд. Вот поспела смородина, яблоки. Юные лесники собрали полторы тонны смородины и яблок! Наставник ребят — лесничий Жанберши Хасенович Ахатов. Как хорошо пообщаться с ним по лесу. Это он научил отыскивать корни и ветки причудливой формы, видеть в них будущую забавную фигурку человека или птицы.

Музафар Алиев,
Челиноградская область

Строится новый Дворец пионеров у нас в городе Волгограде. Не на одном суботнике потрудились ребята: надев рукавицы, выносили мусор, убрали битый кирпич. Суботники проходили дружно, организатор их — городской пионерский штаб.

Лариса Чипликова,
Волгоград

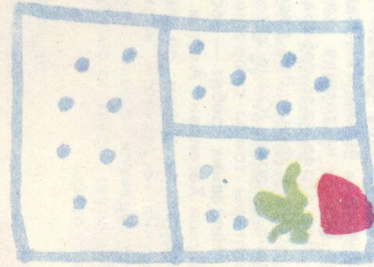
Мы решили сами привести в порядок школу — вымыть полы, окна, панели, парты, доски. Каждый класс получил свой определенный участок работ.

Работали все дружно. А наши мальчишки были просто молодцы! Кажется, мы еще не видели их такими никогда!

Сауле Арменова,
село Раздольное
Восточно-Казахстанской области

Заметная страничка

Падает снег,
Кружится снег.
А у окошка стоит человек.
Он вспоминает о жарких лучах,
Теплых и звездных июльских ночах.

Падает снег,
Кружит метель.
А человек вспоминает капель,
Чистую, звонкую! Струйки воды,
Запах весенней кривой борозды.

Падает снег,
Мягкий, как пух.
Нет, огонек все еще не потух.
Там у окошка стоит человек,
Свет и тепло он запомнил навек.

Люда Киселева,
город Тольятти

НАШИ ТРУДОВЫЕ ДЕСАНТЫ

СЛОВО МАШЕ ЗВЕРОВОЙ, ПИОНЕРУ-ИНСТРУКТОРУ «ПИОНЕР-СТРОЯ» ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО ПИОНЕРСКОГО ШТАБА:

— Мы, юные ленинградцы, гордимся своим любимым городом. Штаб революции — Смольный, легендарная «Аврора», исторический ленинский паровоз и броневик... Сколько в городе исторических ленинских мест!

Наши площади, скверы, парки, улицы помнят многое и о многом могут рассказать. Они помнят исторические дни Октября, помнят суровые 900 дней блокады. Одно из дорогих нам памятных мест — «Дорога жизни».

«Дорога жизни» — трудовой объект пионерстроявцев города Ленина.

«Сделаем «Дорогу жизни» дорогой цветов!» — таков наш девиз. Пионеры многих городов страны помогают нам: прислали семена цветов. Растут прекрасные цветы вдоль многокилометровой трассы. В день трудовых десантов петроградцы, кировцы, дзержинцы — представители всех районов города — не теряя времени, пускают в ход садовые ножницы, грабли, метлы. Дружно идет прополка. Все работают с огоньком. Не успеешь оглянуться, — убраны листья, мусор, обрезаны сучья. Всегда приятно посмотреть, полюбоваться на результаты своего труда.

Миллион Родиме

Пионеры школы № 4 Смоленска — чемпионы области в сборе макулатуры. Дружная работа — вот секрет этих ребят.

Победители соревнования награждены поездкой в Хатынь, к мемориалу Великой Отечественной войны. Фото Г. Василевской

Веселая Почта

Ракета Нащлась!

Накануне отъезда с дачи в Ленинград я играл с ребятами около дедушкиного дома. Яблоко упало с яблони. Я побежал взять яблоко и рядом увидел свою любимую, дорогую Ракету. Как обрадовался! Все-таки после двухнедельного отсутствия черепаха не ушла далеко от дома. Я сказал: «Я потерял, я и нашел!» Вот как бывает!

Миша Никитин,
Ленинград

Моя Родина - СССР

Все делегаты VII Всесоюзного слета в Артеке помнят день международного интернационального сбора. Пионеры социалистических стран поделились опытом работы своих пионерских организаций, которая шла под девизом «БЕРЕЖИ КОМУНИСТОВ ПРИМЕРИ!», на сборе было решено достойно встретить 60-летие Великого Октября. Решено было принять участие в конкурсе сочинений на тему — «МЫ — ДЕТИ РЕВОЛЮЦИИ, НАСЛЕДНИКИ ОТЕЦОВ». Ребята мечтают о том, чтобы из этих сочинений сложился коллективный рассказ о жизни, учебе и труде юных граждан социалистических стран.

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ СВОЙ ГОРОД!

Говорят пионеры старинного русского города Пскова.

Очень хорош мой город. Хорошо в нем живется! Много заводов, парков, красивых домов.

Люда Васильева

В нашем городе жил и работал В. И. Ленин. Есть теперь улица имени Ленина, площадь имени Ленина.

СТЕПЬ СЕГОДНЯ
Витя Чунихин, Боровое Семипалатинской области

На площади стоит памятник Ленину. Кажется, Владимир Ильич вглядывается вдаль и показывает вперед, как бы говоря: «Наша цель — коммунизм!»

Боря Николаев

В нашем городе есть Вечный огонь — памятник солдатам, которые защищали родину. Каждое воскресенье прихожу я к Вечному огню. Я очень хочу, чтобы во всех странах не было войны. Пускай кругом будет мир!

Лена Линева

Я люблю свой город за то, что он красивый, за то, что он мирный.

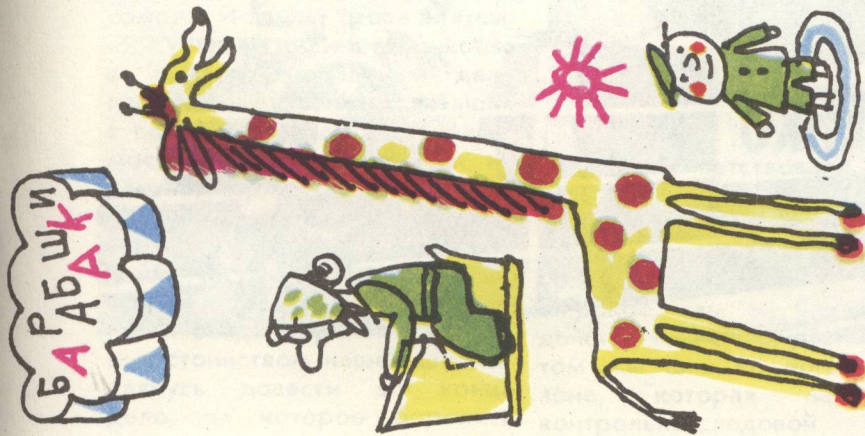
Эдик Монахов

В Пскове много школ, в школах учится много ребят. Все вырастут хорошими людьми. Тоже будут любить свой город, как любим мы...

Наталья Гусева

Люблю свой город за то, что еще не все знаю о нем. За добрых псковичей. За его красивые улицы. За зеленые парки. За его старинные башни, крепости, кремль... За веселых ребят.

Лена Семенова

— Почему у жирафы такая длинная шея?
— Потому что голова находится далеко от туловища.

Мама:

— Сынок, не ходи по лужам, у тебя короткие сапожки.

Андрюша:

— А когда они вырастут?

Записала
Элла Буралова,
Бурятская АССР

Учитель:

— Расскажите о победе князя Игоря из половецкого плена.

Ученик:

— Игорь сначала не соглашался бежать, но, услышав плач Ярославны, решился.

Водохранилище — это здание, в котором хранится вода.

(Из контрольной работы по географии)

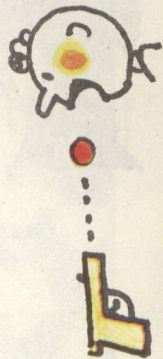
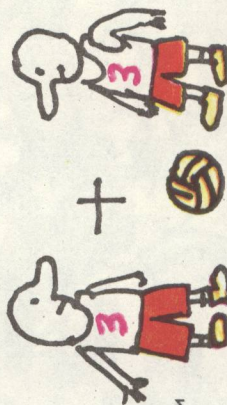
Прислала
Марина Сорокина
из Иркутской области

— Дениска, сколько будет три и три?
— Ничья.

Витя принимает витаминные таблетки:
— Это пуля-витамин?

Записала
Воля Демьяновская,
ст. Песочная

НАШ, СМОЛЕНСКИЙ, ВОЛОДЯ КУРИЛЕНКО

...Стоит в сквере у Дворца пионеров Смоленска на высоком постаменте, сжимая автомат, бронзовый Володя Куриленко. А в городском Музее Великой Отечественной войны хранится тетрадный листок — заявление от восьмиклассника Володи в Ленинградскую военно-морскую школу, и начинается оно словами: «Моя заветная мечта стать опытным моряком нашего красного флота...» Володя написал его, когда кончились занятия в школе, в маленькой родной Каспле на Смоленщине, такой далекой от морей. Но грянула война, и он пошел в партизанский отряд имени матроса Железняка, стал отважным подрывником и погиб под Касплей 13 мая 1942 года. Он не стал капитаном дальнего плавания. Но смоленские пионеры в наши дни воплотили в жизнь его мечту о море! Правофланговая дружина имени героя шестой школы Смоленска обратилась

с призывом ко всем пионерам Смоленщины: соберем металлолом на корабль имени Куриленко!

И в конце 1974 года был поднят наш государственный флаг над теплоходом советского дунайского пароходства «Владимир Куриленко». Его построили на верфи Югославии, и стал плавать по голубому Дунаю теплоход смоленских ребят.

Шестая школа — в центре Смоленска, ее окна выходят на мощную кирпичную крепостную стену, которая некогда окружала город, называемый стражем России. Сегодня на его зеленых улицах и площадях сошлись в бронзе и камне герои обеих Отечественных войн: 1812 и 1941—45 годов. Памятник М. И. Кутузову! Гордо стоит русский фельдмаршал, словно указывая жезлом иноземцам путь из России. Он когда-то так сказал жителям города: «Враг мог разру-

шить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущество, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не может победить и покорить сердце ваших. Таковы россияне!» И в 1941 году под Смоленском гитлеровцы тоже получили достойный отпор. В боях на Смоленщине родилась советская гвардия!..

В Смоленске нельзя не быть патриотом своего города, не знать его военную историю...

Музей боевой славы шестой школы рассказывает о делах авиационных частей, получивших в приказе главнокомандующего наименование Смоленских. Это очень обстоятельный, можно сказать, солидный музей. Красные следопыты собрали редкостные документы, фотографии, полевые дневники и планшеты участников боев за Смоленск, боевые награды, книги с автографами, письма...

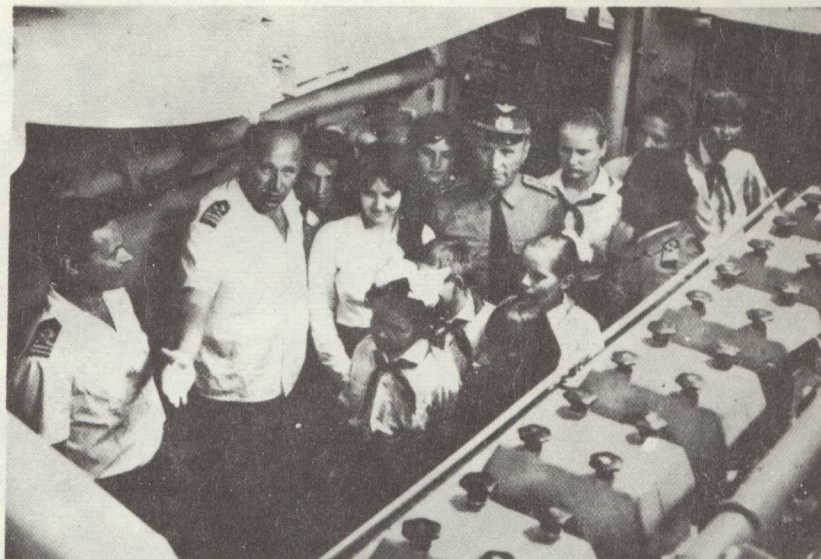
Недаром в школу № 6 частенько приезжают ветераны войны. И двенадцать лет подряд весной вся школа проводит митинг в центральном сквере Памяти героев, где горит Вечный огонь, где у стены похоронены павшие герои. И среди них — Володя Куриленко. Приезжают родные и друзья погибших, сквер заполняют смоляне. С военным оркестром дружина строится в сквере, в почетном карауле, у каждой могилы стоят солдат, комсомолец и пионер. На митинге октябрят принимают в пионеры, пионеров — в комсомол... И звучат слова клятвы. «Я, учащийся шестой школы, в этот торжественный день перед лицом героев, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины, чтя их память, торжественно клянусь быть настоящим человеком, верным, преданным другом, быть честным и правдивым всегда и во всем, клянусь всегда и везде дорожить честью и достоинством нашей школы; клянусь довести до конца дело, за которое боролись и отдали жизнь лучшие сыны и дочери нашей Родины; клянусь быть на самом трудном участке и все свои силы, а если понадобится, и жизнь, отдать за дело партии, за счастье народа, за построение коммунизма!

Если я нарушу эту клятву, пусть падет на меня гнев моих товарищей...»

Когда я была в Смоленске, десять ребят этой дружины только что вернулись из поездки на теплоход «Владимир Куриленко». Вот что они рассказали.

Лена ЕГОРОВА, председатель совета дружины:

— Приехали мы в Измаил в тот день, когда наш теплоход должен был вернуться из рейса, подошли к широкому Дунаю и вдруг, представляете, видим — плывет «Владимир Куриленко». Стали мы махать руками, платками, и с теплохода прогудели нам в от-

Пионеры в гостях у моряков теплохода

вет — поприветствовали. В тот день мы были в музее Суворова, осмотрели диораму, показались на ракете с подводными крыльями: устье у Дуная широкое, сам он быстрый и, действительно, голубой. А потом мы шли по пограничной зоне, которая называется контрольно-следовой полосой, — нас пустили пройти к причалу, встречать СВОЙ корабль. Когда он пришел, мы поднялись в кают-компанию и на самом почетном месте

увидели портрет Володи Куриленко... Моряки долго расспрашивали нас о школе, о наших делах. Прощаясь, спели нашу любимую песню — о Володе Куриленко.

Валерий НЕСТЕРУК, шестиклассник:

— Внутри НАШ корабль очень большой, это снаружи кажется таким скромным. А сколько там механизмов! И моряки отличные, особенно мне понравился боцман, веселый, дружелюбный. Лена рассказала обо всем, что мы ви-

дели в Измаиле. Что я буду вспоминать больше всего? Конечно, море. Я видел море в Ленинграде, но там можно

идти далеко-далеко, и ноги все достают дно... А здесь — летящие пеликаны, много разных крабов, медузы не ядовитые... И как здорово купаться в волнах!.. И в таких красивых местах плавают наш, смоленский, «Владимир Куриленко».

* * *

В 1942 году — когда шли тяжелейшие бои с фашистами на русской земле — писатель Леонид Леонов посвятил смоленскому пареньку Володе Куриленко, посмертно удостоенному звания Героя Советского Союза, такие слова: «Прощайте, юные мореплаватели, познавшие море жизни в самую грозную штормовую ночь... На стальных бортах новехоньких кораблей ваши имена много раз обойдут все моря Родины!»

И. ЛОМАКИНА

ПРИВЕТ ТЕБЕ, МИТЯ КУКИН!

ПОВЕСТЬ

Лев КУЗЬМИН

Рисунки Ю. ШАБАНОВА

Во двор интерната въехали, как с похорон. За пустыми санями шел хмурый Филатыч, следом плелись Митя с Егорушкой, а позади всех, задрав кверху голову, шагал крепко обиженный Саша.

У самого крыльца тюкали деревянными лопатками, проводили ручьи интернатские малыши, им помогала Павла Юрьевна. Она увидела медленную процессию, удивилась:

— Филатыч! Что за странный вид? А где бочка? А где у вас шапка? Ничего не понимаю.

Старик повернул Зорьку к воротам конюшни, буркнул:

— Что наш вид? Вы лучше на лошадь гляньте, на ноги. Вот там — вид.

Павла Юрьевна глянула и ахнула. Ребятишки тоже ахнули, повалили толпою вслед за санями. Егорушка, размахивая руками, с ужасом и восторгом округляя свои ореховые глаза, принялся рассказывать малышам удивительные подробности.

А Саша с Митей — боком, боком — взошли на крыльцо, шмыгнули в сени, в раздевалку, смахнули прямо на пол мокрые одежки и валенки, а потом кинулись в теплую, по-вечернему сумеречную спальню. Дальше им от своего несчастья бежать было некуда.

Летом, конечно, можно удрать в лес, в поле, бухнуться там в траву и выреветь свое горе до самого доньшка, а по снежной поро куда побежишь? Некуда. Только в спальню.

Только и утешенья что забиться под одеяло и лежать там в душной тьме, и вздыхать, и хлюпать потихоньку носом, жалеть себя так, как никто никогда не пожалеет; но все равно ждать, что вот не вытерпит Павла Юрьевна, подойдет, тронет тебя за плечо и негромко скажет: «Ну, ладно, ладно... Надеюсь, это в последний раз».

Но когда Павла Юрьевна прибежала в спальню, то сказала совсем другое. Она перепуганно крикнула:

— Мальчики, вы утонули? Вы искупались, мальчики?

Митя зашмыгал носом еще шибче, кивнул под одеялом головой, а Саша, тоже из-под одеяла, пробубнил:

— Это не я искупался, это он искупался... Он Зорьку спас.

Про вожжи, про Филатыча Саша решил молчать. Ему было противно думать про эти вожжи, не то что говорить, и он только повторил из-под одеяла:

— Это я Зорьку чуть не утопил, а Митя спас!

Но Сашино рыцарское признание Павла Юрьевна как будто бы и не слышала. Она смахнула с мальчиков одеяла, пощупала сухой прохладной ладонью Митин лоб, затем Сашин лоб и по-докторски сказала:

— Внутри — аспирин, к пяткам — грелки, и два дня — вы слышите? — два дня лежать в постели.

— Как два дня? — всколыхнулся Митя. — А Зорьку лечить? Ей надо ноги забинтовать и внутрь тоже чего-нибудь надо!

— Лежи, лежи, — сказала Павла Юрьевна, а в приоткрытую дверь спальни просунулись малыши и запищали:

— Ее уже лечат! Сам Филатыч бинтует... Ох он там и руга-ит-цаа! Говорит, кому-то отвечать придется!

— Вот видите, что вы натворили, — уже не по-докторски, а тихо, по-домашнему произнесла Павла Юрьевна. — Остается вам еще заболеть — тогда совсем ужас.

Она заставила мальчиков проглотить по горькой таблетке, сама принесла с кухни две горячие резиновые грелки и две кружки теплого молока. Молоко она поставила на тумбочку, грелки сунула мальчикам под ноги и, выпроваживая набежавших в спальню малышей, кивнула Мите с Сашей от двери:

— Лечитесь. Обо всем завтра поговорим.

Дверь закрылась, и Саша вдруг соорудил неприятную рожицу, сделал вид, что поправляет на носу, как Павла Юрьевна, пенсне и вслух передразнил:

— Во-от видите, что вы натворили, мальчики...

Он спустил ноги с кровати, хлопнул кулаком по подушке:

— Эх, Митька! Ухожу я отсюда! Больше нет никакого моего терпения.

— Куда? — удивился Митя и тоже сел.

— На флот, Митенька, на флот! К папе на корабль. А здесь пускай Филатыч других вожжами порет, только не меня... Не могу я его больше видеть.

— Ты что? — удивился еще больше Митя. — Он тебя вовсе и не порол... Он тебя только шлепнул разок, да и то сгоряча. Меня, знаешь, как мама шлепала?

— То мама, а то Филатыч. Нет, все равно, Митенька, я убегу.

Саша лег на кровать, закинул руки за голову, призадумался, потом опять сел и зашептал, косясь на дверь:

— Ведь меня, Митя, теперь задразнят. Егорушка всем разболтает про вожжи.

— Пусть болтает. Егорушка всегда чего-нибудь болтает. Он маленький. А за тебя Павла Юрьевна вступится.

— Вступится? Дождись! Она сама Филатыча боится, все ходит за ним да приговаривает: «Ах, какой вы умелый! Какой вы старательный! Ах, как это вы все успеваете!» Станет она из-за меня с Филатычем ругаться... Фигушки!

— Если надо, станет. Она справедливая.

— Справедливая? А когда я сказал, что ты лошадь спас, она что ответила? Ничего! Только таблетку сунула! А вот погоди, когда Филатыч тебя и в самом деле не допустит до лошади, так Павла и пальцем не шевельнет. Скажет: «Зорькой Филатыч распоряжается, ему и решать!»

Последние слова прозвучали убедительно. Митя испуганно притих. А Саша так раскипятился, так раскипятился, что уже и взаправду верил: нет ему другого выхода, как бежать. Бежать к отцу.

Ему как-то и в голову не приходило, что отец отсюда за сотни километров. В голове у него ясно и почти осязаемо вставали только две картины: вот этот интернат с обидчиком Филатычем — вот красавец корабль с улыбочным, добрым отцом. Длинные километры не имели никакого значения. Надо бежать, бежать, бежать — и прибежишь прямо на отцовский корабль, прямо на капитанский мостик.

Не пешком, конечно, бежать. Саша понимал, что бежать — это значит ехать на поезде. Но и поезд ему рисовался уже где-то рядом с великолепным кораблем. Главное было сейчас уйти из интерната, добраться до полустанка Кукушкино. А полустанок всего в двух часах пешей ходьбы — в общем, тоже пустяк! План созрел вполне ясный. Нужен только верный попутчик, одиночества Саша ни в чем не терпел. Он сполз на самый край постели, протянул через проход руку, дотронулся до Мити:

— Давай вместе, а?

Митя, занятый грустными думами, поначалу не понял:

— Что вместе?

— На корабль. К папе.

— Нужны мы там! Ерунда все это.

— Ничего не ерунда! Мы там, знаешь, кем станем? Юнгами станем. Бескозырки получим и ремни с пряжками... А там, глядишь, и винтовки дадут.

Митя насторожился, поднял голову:

— Лучше бы автоматы...

— Что же, можно и автоматы. Отличимся в боях, дадут и автоматы. Да что автоматы? К пулемету приставят! Как в песне: «Так-так-так! — говорит пулеметчик. — Так-так-так! — говорит пулемет». Драпанем, Митька, а? Драпанем?

Митя промолчал, но Сашины уговоры начали на него действовать. У Мити у самого на душе скребли кошки. Правда, обиженным он себя не считал, да зато из головы не выходили слова, выкрикнутые Филатычем на берегу возле дрожащей Зорьки: «От нее ведь жеребенка ждали!» А «ждали» — это совсем не то, что «ждем». «Ждали» — это значит: ждали, да не дождались, и жеребеночка теперь никогда не будет.

И жеребеночка не будет, и сама Зорька, если заболит, пропадет, и за все это придется отвечать ему, Мите Кукину. Филатыч, слышь, так и говорит: «Отвечать кому-то придется...» А кому? Ясно кому. Безо всяких объяснений понятно.

Мите вдруг вспомнился здешний, из районного села, однорукий милиционер Иван Трофимович, который иногда, по пути, заводит в интернат почту и каждый раз по настоятельному приглашению Павлы Юрьевны выпивает на интернатской кухне огромную кружку чая с маленьким кусочком сахара. Сахар в интернате — драгоценность. Крохотный кусочек — весь дневной паек Павлы Юрьевны, и гостю это известно. Кусочек он берет деликатно, двумя пальцами, и, топорща рыжие жесткие усы, откусывает от кусочка чуть-чуть.

Потом он кружку перевертывает, кладет на нее так и не съеденный сахар, поднимается с табурета, оправляет единственной рукой ремень с кобурой и говорит Павле Юрьевне басом: «Спасибочки! Премного благодарен за угощение!»

Вот этот милиционер Иван Трофимович и встал теперь в Митином воображении. Мите увиделся он не на кухне, а на высоком интернатском крыльце. Вокруг крыльца стоят все интернатские мальчики, все девочки, стоят Павла Юрьевна с Филатычем. Вид у всех скорбный. А Иван Трофимович выводит его, Митю, из школы на крыльцо. Кладет на Митино плечо тяжеленную ладонь и приказывает на всю улицу: «Ну, Митя Кукин, отвечай теперь за свой проступок перед всем честным народом!» И Митя отвечает. Он утирает ладошкой слезы, кланяется с крыльца на три стороны и трижды говорит: «Прости, народ честной! Прости, народ честной! Прости, народ честной!»

Митя даже головой помотал, чтобы прогнать эту жуткую картину, а потом взял кружку с молоком, разом выпил и, не вытерев молочных усов, с полупожалостью, с полусомнением спросил:

— Да-а, ты-то вот к отцу побежишь, а я к кому?

Саша оживился:

— Так к лейтенанту же Бабушкину! Он же тебе привет прислал! Он тебе и тогда привет прислал, и еще, может быть, собирается прислать. Но в случае чего отец и двоих примет... Жалко, что ли?

И чтобы не дать Мите отступить, Саша решил пустить в ход запретный, но верный прием. Он отвернулся, нарочито громко вздохнул:

— Что ж, конечно... Если трусишь, я тебя не зову.

Этот коварный вздох решил все. Принять обвинение в трусости Митя не мог. Он подумал, помолчал и тихо произнес:

— Ладно. Как ты, так и я. Когда бежать-то?

Бежать решили в самую полночь, когда первый раз пропоет петух Петя Петров.

— Нет лучшего сигнала для побега, чем петушиный крик, — сказал Саша.

А перед тем, как интернат уснул, перед самым отбоем, к ним в спальню приходил Филатич. Они слышали его, но не видели. Еще до того, как открылась дверь, они закутались в одеяла с головой, притворились крепко спящими. Филатич потоптался у кровати, поскрипел половицами, сказал негромко вслух: «Пушай спят, завтра поговорю!» — и ушел.

— Слыхал? — высунулся наружу Саша. — Слыхал? Завтра опять с ним беседовать придется.

— Отвечать придется, — вздохнул Митя и теперь сам сказал: — Скорей бы Петя Петров пропел.

А потом Саша и Митя лежали под одеялами и слушали, как дежурные принесли в спальню и поставили им на тумбочку ужин; потом слушали, как в спальню пришли все остальные мальчики и, стараясь не мешать «больным», стали потихоньку укладываться. Видно, Павла Юрьевна их строго предупредила, а то бы еще целый час тут раздавались писк, возня. Малыши бы шлепали друг друга по головам подушками, кисли от смеха, перебегали с кровати на кровать, а потом бы вдруг кто-нибудь сказал: «А вот у нас дома до войны...» — и все бы сразу притихли, но все равно долго бы не спали — почти не дыша, не перебивая, слушали...

Но сегодня все уgomонились быстро. Только в ближнем от Мити углу немножко пошепталося со своим соседом Егорушка.

— У меня завтра день рождения. Мне Митя дудочку обещал сделать.

— Какой тебе день рождения! — ответил сердито сосед. — Какая тебе дудочка, когда кругом больные! И Митя болен, и Саша болен, и Зорька в конюшне под тулупом больная.

Егорушка озадаченно помолчал, подумал, потом почти громким голосом сказал:

— Так ведь день-то все равно будет!

— Будет, будет, — согласился сосед. — Молчи, а то Павла Юрьевна придет.

Малыши затихли, но Егорушка еще долго ворочался, видно, переживал: будет у него завтра день рождения или опять не получится?

Митя тоже переживал. В голове у него теперь все перепуталось: и Зорька, и жеребенок, и Егорушкина дудочка, и далекий корабль. Митя устал от этих переживаний и незаметно уснул.

Сколько он проспал — неизвестно. Может, три минуты, а может, три часа. Разбудил его Саша.

— Вставай, Петя Петров кукарекнул.

Митя открыл глаза, увидел в окне светлую холодную луну и сразу вспомнил, что вот сейчас, прямо в эту минуту надо вылезать из теплой постели и выходить в ночь, в тьму, бежать под этой стылой луной неведомо куда, — и ему сделалось жутко.

Но Саша прошептал:

— Дрейфишь?

Митя свесил голые ноги с кровати и стал одеваться.

Саша куртку уже натянул и теперь засовывал в карманы хлеб, спрятанный в тумбочке во время ужина.

— Провиант на дорогу. Хорошо, что берегли. Айда?

Осторожно ступая босыми ногами по гладким, прохладным половицам, они выскользнули в темный коридор. Саша остановился возле комнатухи Павлы Юрьевны, приложил ухо к двери. Там было тихо, и мальчики принялись ошупью разыскивать на вешалке свою одежду. Пальто и шапки нашарили сразу, а валенок под вешалкой не было. Там ничьих валенок не было.

— Вот так раз, — едва слышно выдохнул Саша.

Но Митя сообразил:

— Так мокро ведь было. Вся обувь на кухне сушится.

Пришлось открывать дверь на кухню. Дверь, к счастью, не закрипела. Вышла заминка только с самими валенками. На теплой плите их стояло так много, что выбрать впотьмах свои было невозможно.

— Натягивай любые, — скомандовал Саша, — лишь бы по ноге прились. Теперь все равно.

— Теперь все равно, — согласился Митя.

И вот они сняли в сенях с двери тяжелый крюк, тихонько вышли на крыльцо, и навстречу им хлынул холодный лунный свет, протянулись по синему снегу резкие тени сосен, обступила тишина.

Мальчики замешкались у крыльца. Но тут к ногам их упала сухая сосновая шишка, бег-

лецы вздрогнули, припустили во весь дух к воротам.

Они выскочили на проезжую дорогу и побежали по ней в ту сторону, где хмурился под звездным небом ночной лес.

На опушке, у первых елок, Саша остановился, посмотрел на темные, теперь далекие окна школы и сказал:

— Адью! Прощай!

А Митя ничего не сказал. Митя даже не помахал варежкой. И не потому, что ему было все равно, а потому, что он боялся заплакать.

Потом они помчались дальше и бежали до той поры, пока у обоих не закололо сердце. Тогда мальчики пошли быстрым шагом и все поглядывали вперед, все ждали, когда покажутся крыши полустанка.

Влево, вправо они не глядели. Смотреть по сторонам было страшно. Подсвеченный луною мартовский лес был угрюм. В нем что-то вздыхало, скрипело, нашептывало: там, должно быть, оседали в глубоких оврагах напитанные талой водой снега, — но мальчикам думалось: там кто-то крадется, кто-то вот-вот выйдет громадной косматой тенью на дорогу и преградит им путь.

Саша, боясь, как бы Митя не раздумал и не повернул назад, принялся расписывать вслух будущую жизнь на корабле:

— Как заявимся, Митек, так первым делом отапортуем: «Юнга Кукин и юнга Елизаров для прохождения военной службы прибыли!» Вот папа и лейтенант Бабушкин обрадуются так обрадуются! Они ведь там о нас наверняка соскучились.

— Скажешь тоже... Соскучились! — сомневался Митя. — Лейтенант меня и в глаза не видел.

— Мало ли что не видел. Все равно соскучился. Моряки, знаешь, как по берегу, по семье скучают? А ты ему станешь как сын или как брат.

— У него, может, свой сын есть?

— Нету! Если бы он был, лейтенант бы тебе привет не послал. Он бы своему сыну послал. Нет, Митек, он сразу тебя признает и даже к себе в каюту жить возьмет. Ты хоть когда-нибудь в каюте на корабле был?

— Откуда же...

— А я бывал. Правда, маленьким, еще до войны, и многое позабыл. Но вот одно запомнил. Есть там такое круглое окошко, иллюминатор называется. Стекло в нем толстое, чистое, а за стеклом — синее небо, а море — тоже синее. И волны под самым окном тихонько наплепывают, а в каюте на столике, знаешь, что?

— Что?

— Целый стакан компота! А я беру этот стакан и пью. Правда, хорошо?

— Хорошо-о, — кивает Митя. — Да только, я думаю, компотов там сейчас никто не распивает, а все стоят на своих боевых местах и смотрят, где враг.

— А я про что? И я про то же! — сразу, не задумываясь, переключается Саша. — Мы тоже будем смотреть. С мачты будем смотреть. Нам бинокли выдадут.

— Раньше ты говорил, автоматы.

— И автоматы, и бинокли, и еще пистолеты!

— Ну, пистолеты вряд ли... Пистолеты бьют у командиров.

— Не только у командиров. Когда к нам на ленинградскую квартиру забежал в последний раз от папы матрос с запиской, у него, у матроса, на ремне висел пистолет. Вот такой! Большой! Маузером называется.

За последним поворотом с горки мальчики увидели прямую насыпь железной дороги и постройки долгожданного полустанка за ней.

Построек было немного. Крохотный деревянный вокзал с дежуркой, сарай для инструментов и длинный, в сугробах по самые окна барак, в котором жили дорожные рабочие и служащие.

Невдалеке от полустанка, среди полей раскинулось большое село, по названию тоже Кукушкино. Его спящие избы и высокие ветлы сливались в один тихий темно-серый остров: там даже собак было не слышать.

А вот в окне дежурки мерцал огонек. Слабое пламя керосиновой лампы освещало склоненную к самому столу чью-то голову в нахлобученной шапке.

— Дежурный по разъезду. Ты его не бойся. Он только к поездам и выходит, — сказал Митя, потому что бывал тут не один раз, когда приезжал с Филатычем на сельскую почту и в пекарню за хлебом.

Мальчики осторожно прошли мимо окна. Митя посмотрел вдаль и вдруг обрадовался:

— Зеленый светофор зажегся! Поезд значит близко.

— Якши! — весело подхватил по-турецки Саша и опять взял на себя командование:

— Ты, Митек, не зевай, делай, как я. Когда придет поезд, смотри под вагоны, ищи собачий ящик. Увидишь первым — кричи мне. Увижу я — скажу тебе. И тут мы сразу в этот ящик — нырь! — и... поехали!

— Какой «собачий ящик»? Где? — спросил неопытный Митя. — В нем что, в этом ящике? Собаки ездят?

— Собаки не ездят. Это так говорится, собачий, а ездят в нем ребята-беспризорники, безбилетники. У нас тоже билетов нет — значит, поедем в собачьем. Невелика важность... Верно?

Митя кивнул: верно! Он и не подозревал, что Саша про эти ящики читал в какой-то книжке о беспризорниках, но сам их не видел и видеть не мог. Саша ведь и на поезде-то прокатился всего-навсего один раз в жизни, когда его везли из Ленинграда в интернат.

И тем не менее мальчики не сомневались, что все теперь будет «якши», что стоит прийти поезду — и они тут же простятся с полустанком Кукушкино.

А поезд подходил. Далеко в полях пропал его чуточку печальный голос. Потом голос повторился, прозвучал раскатистее, задорнее, слышнее, и на платформу вышел дежурный с зажженным фонарем.

Дежурный поднял фонарь над головой, и через две-три минуты поезд вылетел из темноты, засверкал мощным прожектором паровоз, осветил черные шпалы, осветил длинные, блестящие рельсы и, сильно расталкивая воздух, загрохотал мимо платформы, мимо дежурного, мимо вокзала, мимо мальчиков.

Поезд был грузовой, и полустанок он пролетел напроход.

Поезд был с танками. Тяжелые, черные, с грозно устремленными вперед стволами пушек, они мчались друг за другом, и казалось, вся земля дрожит от их стальной тяжести. Казалось, это не поезд несет их вперед, а сами танки несутся с грохотом и лязгом в ту западную сторону, где холодные ночные поля и ночное небо слились в одну мрачную полосу.

Танков было так много и они пролетали так быстро, что у Мити закружилась голова. Он отвернулся, а когда снова глянул, то грохот поезда уже затих, фонарь дежурного опустился, помелькал огоньком туда-сюда, поплыл за угол вокзала, там стукнула дверь — вот и все!

— Вот и все, — сказал Митя. — Как теперь быть?

— Как быть, как быть! Ждать, терпеть, — ответил Саша и махнул рукой в сторону вокзала. — Пойдем, погреемся.

Греться пошли в зал ожидания. Там было так темно, что собственной руки не разглядеть, лишь смутно белел квадрат окна, выходящего на перрон. В зале стояла мозглая сырость, пахло, как в погребке.

Митя осторожно прикрыл за собой дверь на пружине, прошептал:

— Тут где-то печка...

Мальчики, натываясь на деревянные диваны, стали искать печку. А рядом, за тонкой стенкой, вдруг тихо зажужжало, негромко звякнуло, и высокий мужской голос прокричал:

— Тюнино! Тюнино! Триста восьмой-бис через Кукушкино проследовал. Вы меня поняли? Я вас понял. Ага!

Снова звякнуло, голос умолк.

— Дежурный по телефону разговаривает. Не шуми, а то услышит, — прошептал Митя, опять ударился коленкой о диван и тут наткнулся ладонями на железный округлый печной бок.

Саша тоже добрался до печки:

— Едва тепленькая. Чуть живая...

— Я сам чуть живой. Есть хочется.

— Давай поедим. Провиант при нас.

Мальчики влезли с ногами на диван, прижались к печке. Саша старательно засопел, стал в темноте расстегивать пальто, доставать провиант. В Митину ладонь ткнулась плоская корочка.

— Ты что? Разве больше нет?

— Есть. Но больше нельзя. Я себе отломил

столько же. Будем растягивать до флотского пайка.

— Дотянем?

— Конечно, дотянем.

После корочки хлеба и разговора о флотском пайке мальчики опять приободрились, но бодрость их была теперь совсем не та, что раньше. Ночь шла на убыль, а пассажирский поезд с ящиком все не приходил и не приходил. Поезда за окном грохотали то и дело, но все они были товарные военные и все пронеслись напролет.

— Смотри, Сашок, танков-то сколько... Пушек! Идут и идут. Где их только мастерить успевают?

— На Урале. Где же еще! Там заводы, там кузница победы. Помнишь, Павла Юрьевна говорила?

Сначала мальчики на каждый грохот бросались к окну, а потом даже и от печки отходить не стали. Они поглядывали на пролетающие огни паровозов да слушали выкрики за стеной:

— Тюнино! Тюнино! Сто двадцатый проследовал... Кирсаново! Кирсаново! Двести шестому путь свободен.

И каждый раз дежурный хлопал дверь, выходил на платформу, пропускал мимо себя грохочущий состав и опять хлопал дверь, опять накручивал рукоять телефона, кричал в трубку и снова ненадолго затихал.

Митя подумал: «Хорошо ему. Он работает, он у себя дома. Ему бежать никуда не надо. Мне вот тоже, когда я работал в интернате — колол дрова, ездил за водой, — было так хорошо».

Но вслух Митя не сказал ничего. Саша мигом бы отрезал: «Опять трусишь?», — а Митя нисколько не трусил, ему просто так думалось, вот и все. Вслух он произнес:

— Хоть бы время узнать... А то непонятно: то ли ночь, то ли утро?

Саша слез на пол, стал ходить, неслышно ступая валенками. Он тоже сильно тревожился. Он думал о том, что если до рассвета они не уедут, то в интернате их наверняка хватятся и тогда им во веки веков не видать никаких кораблей.

Тут опять зажуужжала телефонная вертушка, и дежурный принялся выкрикивать не номера поездов, а совсем другое. Он закричал:

— Тюнино! Тюнино! Валя, позови Сидорчука... Что? Все равно позови! Я сам двое суток не спал... Сидорчук? Ты что, Сидорчук, дрыхнешь, дрова не шлешь, пока у меня запасной путь свободен? Что? Не дрыхнешь? А почему дрова не присылаешь? Грузить некому? Сам грузи, Сидорчук, сам! Что? Как мои дела? Дела — как сажа бела! Не поправляется напарник мой... Пряхин, говорю, не поправляется! Третьи сутки мне не выстоять. Усну. Аварию сделаю... Ты, Сидорчук, давай дрова шли и на подмену мне хоть часа на два кого-нибудь. Ну, ну! До семи ноль-ноль я вытерплю,

продержусь. Недолго осталось, полтора часика. Ты с ним, Сидорчук, и махорки пришли. Пришли, пришли, не зажимай! Я тут свою всю высмолил. Ну, будь здоров, жду!

Дежурный повесил трубку, а Митя подумал о нем опять:

«Нет, этому человеку за стенкой не так уж и хорошо. Ему так трудно, что он говорит: «На ходу усну!», да только все равно терпит. Он мало того, что терпит, он еще дрова какие-то требует: наверное, тоже для Пряхина».

Митя вспомнил высокую поленницу за крыльцом интерната. Вспомнил, что вся она из толстых кряжей и стоит совсем неколотая, а переколоть ее в интернате не может никто, кроме Мити, ну, разве что Филатыч...

«Да не только дрова. Вот у дежурного по разъезду товарищ болен, а у нас в интернате Зорька... Очень похоже все получается. Похоже, да не совсем! Дежурный о больном Пряхи не заботится, работает за него, а я от Зорьки сбежал. Я даже не знаю, как она там? Выздоровливает или нет? А если не выздоравливает, то кто воды с ручья на салазках привезет? Павла Юрьевна с Егорушкой, что ли? Или опять Филатыч, у которого и так уже от старости и работы руки трясутся?»

Митя поежился, слез с дивана, тоже заходил туда-сюда.

— Озяб? — сказал Саша. — Походи. Я вот походил и согрелся. Теперь скоро.

— Откуда известно?

— Разве не слышал, к дежурному сменщик едет? А если едет, то значит на поезде, который тут остановится. Может быть, этот поезд и есть наш — с ящиком!

А Мите было уже не до поезда. У Мити голова раскалывалась от горьких дум. Он совсем не знал, что делать. С одной стороны, все получалось так, что надо бы вернуться, а с другой стороны, выходило: если вернешься, то сделаешь предательство. Вернуться — это значит бросить Сашу здесь, на полустанке — сам-то Саша назад ни за что не повернет, а ведь Митя еще и на себе испытал, каково человеку, если он останется в пути один-одинешенек.

Митя ходил, думал, даже головой покачивал, как от боли, и Саша спросил:

— Ты что?

— Ничего. Просто Егорушку вспомнил. Егорушку жалко. У него сегодня день рождения, а дудочку ему я так и не подарил...

И тут Саша ни с того ни с сего подбежал к Мите, ухватил за пальто, притянул к себе и сердитым, и в то же время странно всхлипывающим голосом зашептал:

— Тебе Егорушку жалко? А мне, думаешь, нет? А мне, думаешь, наплевать? Да если хочешь знать, так я Егорушку больше тебя жалею! Я ему сегодня весь свой сахар за завтраком хотел подарить! И половину хлеба хотел подарить... Я ему сюрприз готовил, а ты говоришь...

— Да что ты, Сашок, — испуганно забормотал Митя. — Я так совсем и не говорил. Даже не думал.

— Нет, думал! Думал и вслух намекал! А мне намекать нечего. Я сам не меньше тебя переживаю. Да только что поделаешь? Тут одно из двух: либо на фронт ехать, либо день рождения праздновать. Понял?

— Понял, — ответил Митя, хотел еще что-то сказать, да не успел. За стеною громко, радостно закричал дежурный:

— Кукушкино слушает! Кукушкино слушает! Это ты, Сидорчук? А где Валя? Ко мне поехал? Вот спасибо, Сидорчук! Вот спасибо! Принимаю, принимаю... Пассажиров? Пассажиров у меня нет. Не видно.

— Митька! Поезд идет. Пассажирский! — чуть не заголосил во все горло Саша, да тут же спохватился, замахал рукою: «Давай, мол, давай торопись!»

Мальчики выскочили на платформу. Они помчались по ней в ту сторону, откуда должен был показаться поезд, а пока лишь чуть виднелись еловые перелесочки да уходило за них темное, обтаявшее до самой земли железнодорожное полотно.

Вдруг из-за построек на платформу, наперехват мальчикам, неожиданно-негаданно вывернулась толстая востроглазая женщина в дубленом полушубке.

— Завпочтой! Тетя Клавдя! Она меня знает, — едва успел шепнуть Саше перепуганный Митя, а женщина широко и удивленно растопырила руки, забасила:

— Кукин! Митя! Да ты откуда? А Филатыч где? Неужто в такую рань на пекарню приехали?

Митя растерянно мотнул головой: «Да, мол, приехали...», а Саша, хотя эту женщину видел впервые, бойко зачастил:

— На пекарню, тетя Клавдя, на пекарню. Филатыч на пекарню поехал. У нас хлеб кончился. Завтракать не с чем! Хлеба в интернате ни крошки нет!

— Н-не знаю, — опять развела руками женщина. — Не знаю... Вряд ли сейчас получите. Разве с вечерней выпечки сколько-ни-сколько осталось. Филатыч, поди, и ко мне там заглянет?

— Заглянет! Обязательно заглянет! — уже не мог остановиться Саша, а тетя Клавдя усмехнулась:

— Ну и бестолковый интернат сегодня. С чего это? Разве не знаете, и почты в такую пору не бывает никогда? Почта вот только сейчас придет, на поезде. А ты, Митя, почему с дружкой тут околачиваешься? Филатыч в пекарне, а ты здесь?

— Мы не околачиваемся, мы смотрим. Филатыч нам разрешил, — опять вывернулся находчивый Саша. А Митя как стоял, как молчал,

так и теперь продолжал помалкивать. Он лишь тихонько пошмыгивал носом и думал: «Вот влипли так влипли. Тетя Клавдя вернется в село и сразу узнает, никакого Филатыча там и не было».

С перепугу Митя совсем запамятовал, что пока тетя Клавдя вернется, они будут уже в поезде, в ящике, и укатят далеко-далеко.

А Саша не забыл. Он торопливо произнес:

— Простите. Вам надо получать почту, а мы — к Филатычу. Оревуар! До новой встречи!

Саша приподнял ушанку, вежливо поклонился, а тетя Клавдя обернулась к нему, озадаченно повторила:

— Ревуар? Какой ревуар? Где?

И вдруг она посмотрела на Сашины ноги да так и присела:

— Ба-тю-шки! На ногах-то у тебя что! На ногах-то! Ой, уморушка!

Саша глянул вниз и сам чуть не охнул. Правый валенок был на нем свой, серый, а левый — чужой. Он был сильно растоптанный, в рыжих подпалинах и, судя по знакомой заплатке, самой Павлы Юрьевны, заведующей интернатом. Саша даже пощупал валенок, даже извернулся и на пятку посмотрел, а потом изумленно произнес:

— Пардон! Спутал в потемках...

— Что за пардон? Какой пардон? То ревуар, то пардон... Ты чего, паря, все мелешь-то? — опять засмеялась тетя Клавдя, а Митя наконец набрался духу, тоже заговорил:

— Это он так по-иностранному извиняется перед вами. Извиняется и прощается. Нам и взаправду пора. Мы пошли.

Но тетя Клавдя цепко ухватила Митю за рукав:

— Раз Филатыч отпустил, помогите мне. Поезду остановка здесь — одна минута, мне лишние руки вот как нужны. Побежали со мной, побежали, к первому вагону побежали. Вон и поезд идет!

Она ухватила Митину руку еще крепче, побежала по перрону, Митя поневоле затопал рядом с ней. А Саше тоже деваться некуда. Саша тоже побежал за ними, не отставая, только валенки — серый да рыжий — замескали.

В это время пассажирский поезд с длинным, сильным, красно-зеленым паровиком «ФД» впереди миновал входной светофор, миновал стрелку, сбавляя ход, покатыл по рельсам рядом с платформой и вот — остановился.

Саша на бегу стал заглядывать под колеса, под вагоны, стал искать ящик. Но ящиков под вагонами что-то было не видать. Там пронзительно скрипели, шипели тормоза, круглились какие-то цилиндры да толстые грязные неизвестно для чего нужные трубки.

«Где они, ящики? Где? Да и Митька, простофиля, бежит с этой теткой, никак не вывернется... Надо его, простофилю, выручать!»

Саша перестал заглядывать под колеса, помчался к почтовому вагону. Там во всю ширину

раздвинулась высокая дверь, из нее, кем-то сильно брошенный, вылетел фанерный посылочный ящик.

Тетя Клавдя ящик ловко поймала, сунула Мите в руки. Митя быстро поставил ящик на снег.

Тетя Клавдя поймала второй ящик, опять сунула Мите, он и его поставил на снег.

А потом третий, а потом четвертый, а потом какой-то тюк, а потом какой-то мешок, и Митя едва успевал нагибаться-разгибаться, он уже ничего не соображал, а только думал, как бы не грохнуть ящик на платформу, не расколоть вдребезги.

Саша подскочил, зашептал:

— Ты что? Ты что? Беги скорей, поезд отойдет!

А тетя Клавдя сунула и ему ящик, и Саша тоже взял, и тоже поставил, и тут совсем

рядом, над самым ухом, заверещал кондукторский свисток, и — пых-пых! стук-стук! — поезд потихоньку тронулся с места.

Он пошел, а из вагона с почтой вылетел еще один пакетик — видно, последний. Тетя Клавдя опять изловила его, машинально сунула Мите в руки, Митя хотел и этот пакетик опустить на платформу, да вдруг застыл. У Мити даже рот приоткрылся.

Нет, Митя смотрел не на поезд. Вслед уходящему поезду смотрел Саша. Саша даже побежал было за уплывающими подножками, но, чувствуя, что Митя не трогается с места, и сам остановился. Посмотрел, как, покачиваясь, удаляется красный кружок на последнем вагоне, судорожно вздохнул, насупился и обернулся к Мите.

А Митя, его надежный компаньон Митя, даже и краешком глаза не посмотрел вслед

поезду. Митя, похоже, про поезд и думать позабыл: с таким странным видом стоял он сейчас на платформе и так пристально разглядывал пакет.

Лицо у Мити было такое, будто он увидел в собственных руках луну или еще что-то не менее удивительное. Митя рассматривал пакет и всю улыбался.

— Ты чему радуешься? — подскочил к нему Саша. — Ты чему, разиня, радуешься? Тому, что поезд упустили, да?

Но Митя и этих слов будто не понял. Он ошарашенно взглянул на товарища, потом торжественно, обеими руками вознес пакет впереди себя и повернул его так, что Саша сам, хотел не хотел, а уставился на пакет.

На грубой толстой парусине четко виднелась фиолетовая чернильная надпись:

ЭНСКАЯ ОБЛАСТЬ
КУКУШКИНСКИЙ РАЙОН
ДЕТСКИЙ ИНТЕРНАТ № 3
ДМИТРИЮ КУКИНУ

А чуть ниже обратный адрес: п/п 1928 Н. И. Бабушкин.

И тут Саша сам позабыл про поезд. Он забыл даже про тетю Клавдю, которая в это время пересчитывала разбросанные ящики, составляла их горкой.

Саша выхватил из Митиных рук, еще раз перечитал оба адреса, сказал: «Ну, Митя... Ну, Митя...» — а дальше сказать ничего не мог.

А тетя Клавдя: «Раз, два, три, четыре, пять!» — досчиталась до этого пакета, ткнула в него пальцем: «Шесть!» — и вдруг тоже удивилась:

— Вы зачем его схватили? Положите. Он ведь не ваш.

— Наш! — с ликованием в голосе крикнул Саша. — Наш! Вот его, Дмитрия Кукина.

Тетя Клавдя изумленно подняла брови, наклонилась к Саше, к пакету.

— Ну-ка, ну-ка... Ой, и верно! Кукину... Дмитрию... От кого это тебе? От какого-то Бабушкина с полевой почты. От какого Бабушкина?

— От лейтенанта. От Н. И., — осевшим голосом просипел Митя и потянулся к пакету.

— Это как понимать — «Н. И.»? Имя-отчество говори полностью, — сказала тетя Клавдя и отнесла руку с пакетом в сторону.

Митя перепугался, что пакет она не отдаст, и растерянно прошептал:

— Так я же не знаю...

— Ах, не знаешь! Может, ты и своего имени не знаешь? Может, ты совсем и не Дмитрий? Может, у вас в интернате какой другой Дмитрий Кукин есть? А ну, показывай паспорт!

Тетя Клавдя вроде бы шутила, а вроде бы и не шутила. Испуганный Митя разобрать этого не мог. На глаза его навернулись слезы, да тут опять вмешался Саша:

— Вы что? Почему же он не Дмитрий, когда

он Митя! А от Бабушкина у него письмо есть — в кармане, в курточке. Митя, покажи ей письмо!

Митя стал расстегивать пальто, чтобы добраться до курточки, а тетя Клавдя увидела, как пальцы у него дрожат, не могут нашарить петельки пуговиц, испугалась и сказала:

— Не надо, не надо. Я ведь смеюсь. Бери свой пакет, только распишись вот здесь.

Она вынула из кармана полушубка химический карандашный огрызок, стопку бумажек и на одной бумажке Митя вывел свою фамилию — Кукин. А потом подумал и добавил для верности — Дмитрий. Он хотел еще написать — Семенович, да тетя Клавдя отняла бумажку, засмеялась.

— Хватит, хватит. И так все теперь законно. Бери пакет.

— Его можно уже и раскрыть? — спросил Митя.

— Можно, да потерпи чуть-чуть. Сперва помогите мне почту до саночек донести. Они у вокзала стоят.

Митя сунул свой пакет за борт пальто, с готовностью схватил сразу две посылки, Саша тоже взял две посылки, а тетя Клавдя — посылку, тук и мешок.

Они пошли по платформе и там, в самом конце, увидели двух железнодорожников в черных узких шинелях и в черных зимних шапках. Железнодорожники громко разговаривали, смеялись. Один из них свертывал папироску, и был он очень высокий, худой, с лохматыми седыми бровями над горбатым носом, а второй был маленький, молоденький, с розовым лицом.

«Наверное, тот большой — наш дежурный, а этот маленький — Валя», — подумал Митя. Подумал, сразу вспомнил про свое беглое положение, и сердце у него тоскливо заныло: «Неужто Саша опять будет ждать поезда? Неужто опять побежим?»

Он опасливо покосился на Сашу, но тот спокойно нес посылки, на Митю не смотрел, сигналов никаких не подавал. Тогда Митя нежно, подбородком, погладил торчащий на груди пакет. Ему не терпелось узнать: что там? Ему так не терпелось, что он первым добежал до саночек и, поскорее освобождая руки, бросил ящики на саночки. Саша тоже разгрузился, и прямо тут, на посылках, на саночках, мальчишки принялись тормозить пакет.

— Господи! — сказала тетя Клавдя. — Вот нетерпены... Без ножниц, прямо зубами шпагат рвут! Пошли бы ко мне на почту, там бы и распечатали. Не рвите, не рвите, давайте помогу.

Ей ведь и самой страсть как хотелось увидеть, что там такое прислал Мите Кукину лейтенант Бабушкин.

А мальчишки грубые, толстые швы уже раздернули, и внутри под упаковкой оказались еще два отдельных замотанных в бумагу пакета.

— Давай разматывай! — нетерпеливо сказал Саша, и Митя принялся разматывать первый сверток.

Он разматывал его очень бережно. Он разматывал его очень тихо. Он разматывал его так медленно, что Саша крикнул:

— Да скорее же!

И Митя развернул и сразу сказал:

— Ох!

Сверкнув золотом якорей и прошуршав черным шелком ленточек, перед всеми возникла великолепная матросская бескозырка. Митя опять вздохнул:

— Ох!

Тетя Клавдия произнесла:

— Ну и ну!

А Саша сказал:

— Вот так да! Ну-ка, надень-ка!

Митя снял ушанку, надел бескозырку.

— Идет! В самый раз, — похвалил Саша, а тетя Клавдия добавила: — Вылитый гвардеец! Настоящий моряк да и только!

Митя протянул бескозырку Саше:

— На, Сашок, и ты примерь.

Но Саша мужественно отказался:

— Не надо. Посылка твоя — значит, и бескозырка твоя. Давай дальше смотреть.

А дальше обнаружили не менее интересные вещи. Синий с красным шестигранный командирский карандаш «Тактика» с двумя наконечниками из новеньких, с медным блеском автоматных гильз; огромная, шириной с ладонь, плитка шоколада под названием «Золотой якорь» и — письмо!

Совсем небольшое письмо, но зато все целиком — для Мити.

Сказано в письме было вот что:

«Дорогой братишка Митя! Шлю тебе свой краснофлотский привет и сердечный поклон от всего нашего экипажа. Про тебя, браток Митя, мы узнали из Сашиних писем. Письма читали все моряки, и вот выносят тебе краснофлотскую благодарность за то, что ты там, в героическом тылу, в интернате, с честью несешь свою трудовую вахту. Это нам, фронтовикам, большая подмога.

А от себя, Митя, лично я шлю посылку. Она, браток, маленькая, да, сам понимаешь, с фронта посылки посылать трудно. Надеюсь, что после победы встретимся, тогда подарков будет больше. А пока напиши мне поскорее ответ и обрисуй в нем подробно все свои дела.

Наши боевые дела идут отлично. Бьем фашиста-захватчика, скоро ему придет конец.

Привет Саше Елизарову, вашим старшим товарищам — Филатычу и Павле Юрьевне, и вообще всему интернатскому экипажу.

Крепко жму твою трудовую руку. Лейтенант Бабушкин. А попросту — Николай Иванович».

Письмо прочитали все сразу. Митя держал его открыто, читал молча. Саша тоже читал молча, только тетя Клавдия произносила каждую фразу вслух. А потом от себя добавила:

— Вот это человек так человек! Сразу видно, душевный.

А Митя прочитал письмо до конца и так разволновался, так разволновался, что и словечка сказать не мог. Когда же услышал, как тетя Клавдия хвалит лейтенанта Бабушкина, так сразу выхватил из растерзанного пакета шоколад, всю плитку, и стал скорее совать ей в руки:

— Это вам! От него!

— Что ты! — отмахнулась тетя Клавдия. — Что ты! Этот гостинец ты у себя там на всех ребятишек разделишь. То-то им будет радости!

Митя схватил двухцветный карандаш, протянул Саше:

— Тогда ты, Саша, себе вот это возьми!

Саша карандаш взял, осмотрел, даже понюхал, потому что новенькие карандаши пахнут несколько не хуже самого лучшего шоколада, но тоже сказал:

— Нет!

И он сказал не только «нет». Он подумал, подумал и тихонько произнес вот еще что:

— Мне, Митя, ничего не надо. Я от лейтенанта Бабушкина привет получил, и на том спасибо. Мог бы и не получить... А карандаш подари лучше Егорушке. Вместо дудочки.

Митя, когда услышал такое, даже собственным ушам не поверил. Он заглянул Саше прямо в глаза и медленно переспросил:

— Как так Егорушке? Ты, значит, согласен, чтобы я вернулся? А ты сам? Ты сам тоже идешь со мной?

— Иду, Митя, — сказал Саша. — После такого письма куда ж нам идти?

— Только домой! Ответ Бабушкину писать! — просил Митя.

Мальчики сами не заметили, как впервые за два года жизни в этом краю назвали свой интернат не интернатом, не школой, а домом.

Тетя Клавдия смотрела на них и ничего не понимала.

— Вы о чем, ребятишки? Как это так — домой, когда у вас Филатыч где-то здесь, в селе?

— А мы с ним все равно встретимся! — улыбнулся Митя. Разговаривать с тетей Клавдией он теперь не боялся, потому что все теперь было честно, все правильно.

Митя даже помог тете Клавде стронуть груженные саночки с места, спросил:

— Одна довезете?

— Довезу. Сегодняшний груз невелик, я и больше вазивала. Ступайте. Счастливо вам!

— И вам спасибо! — сказали мальчики и побежали по тропке сначала через рельсы, потом через поле — прямо к лесной дороге.

А вокруг уже рассвело. Из-за ельника выкатилось солнце, и опять по всей полевой белизне, по яркому насту протянулись от каждой торчащей из-под снега былинки, от каждого снежного заструга длинные голубые тени.

Мальчики выбежали на санную дорогу, помчались в гору, и вдруг навстречу им из-за горы вынырнула темная лошадиная голова с дугой, потом вся лошадь, а за ней санирозвальни. В санях стоял на коленях человек,

солнце светило ему в спину, и весь он казался черным.

Лошадь тоже казалась черной. Только передние ноги у нее ниже колен были белыми, словно в белых чулках. Бежала она походкой рысью.

У Мити екнуло сердце.

— Неужели Филатыч на Зорьке?

Саша прикрылся ладонью от солнца, посмотрел, сказал:

— Не похоже. Эта лошадь совсем другая. Видишь, ноги белые.

Но это была все-таки Зорька, а в санях — Филатыч. Он узнал мальчиков первым, остановил Зорьку, выскочил из саней.

Он побежал к ним с широченным тулупом в руках, на ходу раскрывая его, расправляя, и мальчики смотрели на Филатыча и не могли понять: к чему здесь тулуп?

Они прижались друг к другу. Они ждали: сейчас на них обрушится кара, но обрушился на них и накрыл с головой только вот этот мохнатый тулуп. Филатыч как добежал до них, так только и сделал что накрыл обоих, как неведом, овчинным тулупом и, крепко стянув края широкополой одежины руками, запричитал:

— Матушки мои! Вот вы где! Нашли-ся! А мы-то с Юрьевой чуть ума не лиши-лись! Пойдемте, матушки мои, пойдемте! Поедемте домой...

Он даже не спрашивал, куда и зачем убегали мальчики. Он только так вот их, укрытых тулупом, и подталкивал к лошади, подталкивал к саням и все уговаривал:

— Пойдемте, пойдемте...

Мальчики растерялись. Им стало даже совестно, что дряхлый бородатый Филатыч так

возле них суетится. Саша выскользнул из тулупа, обернулся к старику и, боясь поглядеть ему в глаза, проговорил звонким от напряжения голосом:

— Товарищ Филатыч! А товарищ Филатыч!

— Што? — испуганно спросил тот.

— Вы, товарищ Филатыч, не думайте: не из-за вас мы убежали, мы по ошибке убежали. И эксплуататором, товарищ Филатыч, я вас неправильно назвал.

— Да господи! Да об чем речь! — воскликнул тонким голосом старик, взмахнул руками, и тулуп с Мити свалился на дорогу. — Да разве я... Да какое такое тут может быть думанье! Не было ничего — и шабаш! Вот как!

Старик еще раз махнул рукой, словно что-то отрубил, даже притопнул валенком и сказал уже совсем иным, твердым, своим всегдашним голосом:

— Садитесь! Поехали! Теперь, считай, все в аккурате.

— И Зорька в аккурате? — робко спросил Митя.

— Считай, да. Видишь, головой тебе машет? Иди, погладь.

— А ноги?

— Что ноги?

— Это вы ей так забинтовали?

— А то кто же? Еще с недельку побинтуем, а там совсем пройдет.

— И жеребеночек у нее будет?

— Будет, будет. Ладно, что ты сумел ее тогда распрячь. Ладно, вызволил из полыньи. Иди с ней поздоровайся, да поехали.

И вот опять теплые Зорькины губы ткнулись в Митину ладонь. И опять он стоял и гладил ее шелковистую шею, а Зорька все поматывала головой и даже обнюхала оттопы-

ренное на груди Митино пальтецо, то место, где лежал пакет от лейтенанта Бабушкина.

— Потерпи, Зоря, потерпи, — шепнул ей Митя. — Вот приедем домой — и покажу. Всем покажу — и тебе покажу.

А потом, когда поехали домой, усталых мальчиков свалила дремота, и, лежа под мягким, теплым тулупом, Митя увидел сон.

Ему приснилось лето, высокая трава, и шагают будто бы они по этой траве с лейтенантом Бабушкиным. Трава очень большая, раздвигать ее ногами трудно, и лейтенант Бабушкин говорит: «Что мы так тихо идем? Давай помчимся!» — «Давай», — говорит Митя, и вот перед ними два длинногривых коня. Один конь — это Зорька, второй конь — это взрослый ее жеребенок. Он тоже гнедой, только во лбу у него белая звезда.

И лейтенант садится на Зорьку, Митя на жеребенка, и они мчатся. Они даже не мчатся, они летят. Они несутся над зеленым лугом, над пшеничным полем, над макушками тихих сосен, а под соснами школа — и рядом с ней широкие ворота.

Кони опускаются на траву у самых ворот, пофыркивают, помахивают головами, а на

воротах белое полотнище, и на нем голубыми, очень большими буквами написано: «ПРИВЕТ ТЕБЕ, МИТЯ КУКИН!»

— Это от тебя, Николай Иванович, мне привет? — спрашивает Митя Бабушкина, и лейтенант отвечает:

— От меня, Митя, от меня. Я теперь тебе всегда буду присылать приветы, всю жизнь!

Митя засмеялся во сне, задел откинутой рукой Сашу. Тот во сне тоже улыбнулся и вдруг произнес громко, сразу на трех языках:

— Шарман! Вери вел! Май-о-о!

Филатыч посмотрел на спящих мальчиков и, словно поняв Сашины слова, по-русски добавил:

— Верно, сынок, верно. Все хорошо, что хорошо кончается.

Потом что-то вспомнил, с усмешкой покачал головой, повторил свои мысли вслух:

— То-ва-рищ Филатыч... Товарищ, да еще и Филатыч! Ну, надо же такое сказать.

Он причмокнул на Зорьку:

— Но, Зоренька! Но, милая! Топай скорее. Товарищи проснутся — поди есть захотят.

И Зорька затопала скорее, она тоже торопилась к дому.

МЕДВЕЖЬИ СНЫ

Л. ПРОТОПОПОВ

Мама, дочка, сын и папа
Спят в берлоге много дней.
Каждый нос упрятал в лапу:
Сны приятней и вкусней.

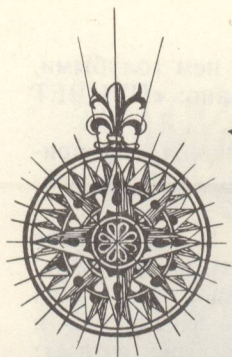
Злая вьюга лес шатает,
Ходит-бродит до весны,
Толстым снегом замедает
Удивительные сны.

Сны про сочную малину,
Всю прогретую насквозь,

Про холодную стремнину,
Где вот-вот сверкнет лосось,

Про поляну, где уснули
В свете яблока-луны
Деревушкой тихой ульи,
Меда вкусного полны...

И, не думая нисколько
О зиме ли, о весне,
Спят медведи, да и только,
Сладко чмокая во сне.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

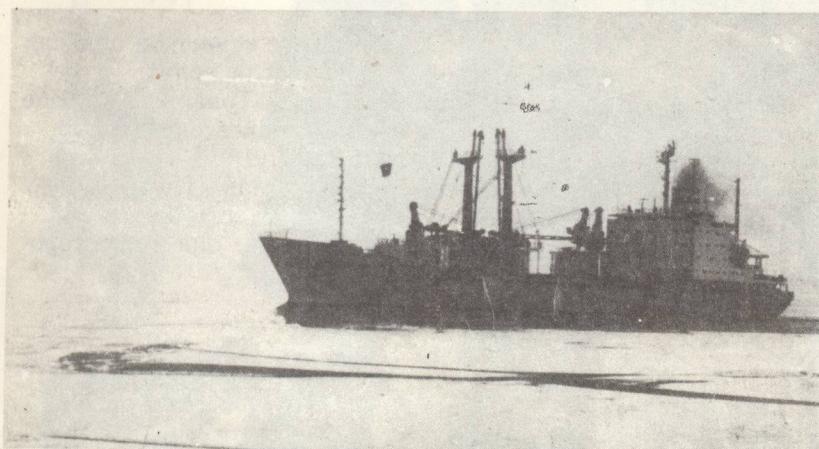
Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

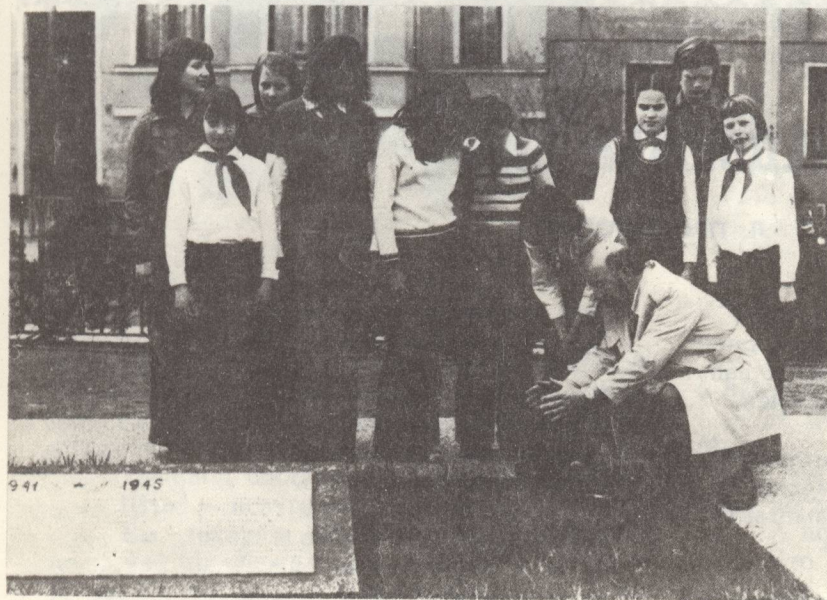
Год издания 21-й

О ХАЙКЕ, УЛЬРИКЕ И БОЛЬШОЙ ДРУЖБЕ...

Теплоход „Варнемюнде“

Немецкие пионеры принесли цветы на могилу
советских солдат,
погибших при освобождении Ростoka от фашистов

«Меня зовут Хайке. Мне 11 лет. Я живу в Ростке. Я — пионер. Наша школа носит имя Отто Гротеволь. Когда мы стали членами пионерской организации, мы побывали в Берлине. Красные галстуки нам повязала жена Отто Гротеволь...»

«Меня зовут Ульрика. Мне 11 лет. Я — пионерка. Я очень люблю читать и слушать сказки. У меня много книг. Вместе с другими пионерами я собираю металлолом и старые газеты. Деньги мы сдаем в фонд солидарности. В СССР у меня подруга. Ее зовут Тамара...»

Такие письма наклеены в альбом, а альбом хранится у нас, на теплоходе «Варнемюнде». Это альбом дружбы нашего экипажа с пионерами ГДР.

Эта дружба началась давно. Наш теплоход «Варнемюнде» родом из Варнемюнде, что под Ростком. Однажды, когда мы стояли здесь на ремонте, на борт пришли пионеры. Они были из школы имени Отто Гротеволь и все изучали русский язык. Моряки показали ребятам судно, рассказали о работе приборов. Потом мы вместе в кают-компании теплохода смотрели фильм на немецком языке — «Путешествие по Советскому Союзу», и один мальчик вдруг сказал: «Природа прямо как у нас...» Потом ребята пригласили нас в школу. Так мы и подружились.

А альбом немецкие пионеры подарили нам на память, и мы его бережно храним. В альбоме фотографии нового и старого Ростка, Варнемюнде, фотографии ребят и их рисунки.

...Иногда в дальнем рейсе кто-нибудь из моряков возьмет в руки альбом и начнет листать его страницы. И тепло становится на душе от ребячьей веры в то, что на земле должен быть мир и что советские моряки — самые верные друзья на свете.

Б. МИХАЙЛОВ, первый помощник капитана теплохода «Варнемюнде»

„МАМОНТЫ“

Один пассажир услышал на палубе такой разговор: «Когда отходим?» — «Через два часа... Вот только мамонтов погрузим и — в путь...» — «Вот тебе и на!» — подумал пассажир. — «В наше время и — мамонты? Наверное, ископаемые мамонты для музея...»

Стал ждать. Видел, как на судно погрузили громадный котел и поверх трюма закрепили, потом турбину на

корму опустили... А под конец поперек палубы поставили целый паровоз!.. Мамонтов же все нет и нет... И судно уж в море вышло.

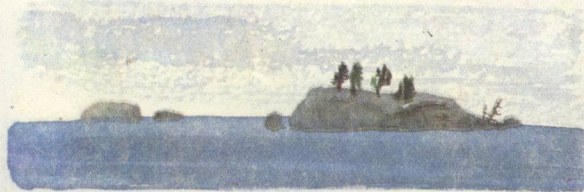
Стал пассажир спрашивать у моряков про мамонтов. Те рассмеялись. А пассажиру объяснили, что «мамонты» на море принято называть грузы очень больших размеров...

ПОБЫВАЛИ В ЛЕНИНГРАДЕ

15 июня 1976 года учебное судно нашей флотилии юных моряков «Василь Коларов» отошло от причала. Курс взяли на Ленинград. Юные моряки долго ждали этого похода и готовились к нему. Путь предстоял сложный — по искусственным морям, по рекам и каналам, по Ладоге. Зашли мы и на остров Валаам. Наконец — Ленинград. Мы побывали на легендарном крейсере «Аврора», во многих музеях, в Смольном. Видели, как строят атомный ледокол «Сибирь»...

Курсант Московской флотилии юных моряков

Наташа Пикулова

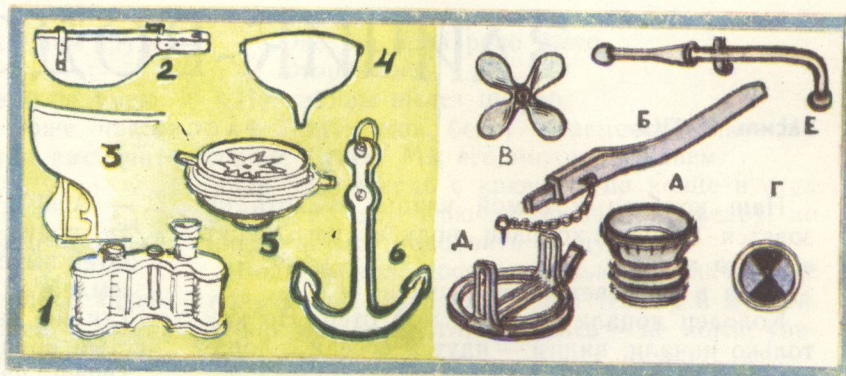
Юные моряки на острове Валаам

ШКОЛА ЮНГ

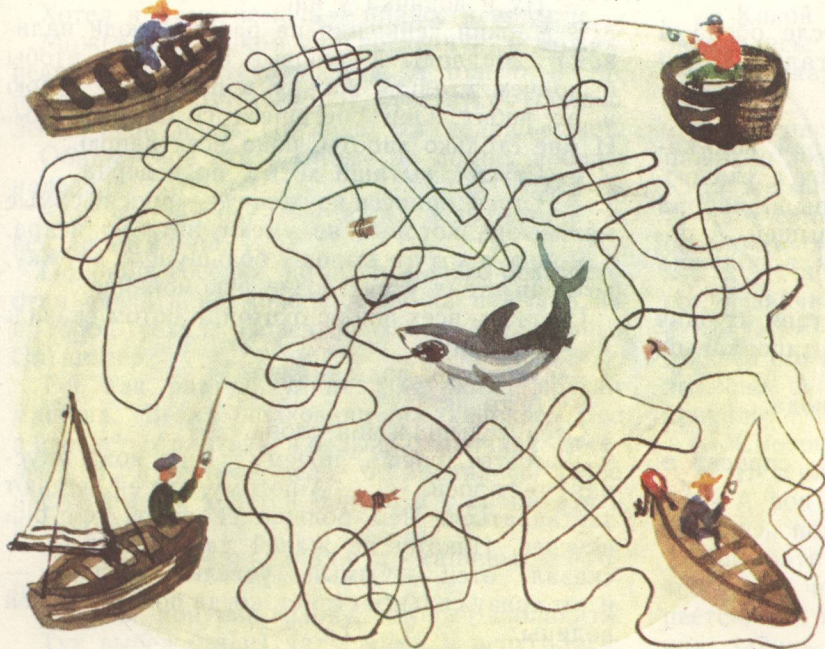
На занятия школы юнг боцман Румпель принес два рисунка.

— Вот, — сказал он, — на первом рисунке — части корабля и судовых устройств. На втором — их детали. Поставьте детали на свои места. Назовите все части и детали и объясните, для чего они служат...

Все юнги «Морской газеты» с заданием справились. А вы, читатели? Ответы присылайте в адрес ШКОЛЫ ЮНГ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ».

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Кто из рыбаков поймал акулу?

МОРСКИЕ ВРАКИ

ПРО ОСТРОВ „ГОРОХОВЫЙ“ И ПРО ОТЧАЯННОГО КАПИТАНА

В Индийском океане есть островок, называемый «Гороховым». Весь остров зарос горохом... Горох опутывает кустарники и до самой полосы прибоя зреют зеленые стручки... Кто же засеял остров горохом? Никто... Много лет назад из Китая в Англию морским путем доставляли душистый чай. Для перевозки чая строили быстроходные парусники — клиперы. На одном клипере был отчаянный капитан. Даже в самый сильный ветер он не убирал паруса. И вот однажды ночью клипер с отчаянным капитаном со всего хода налетел на остров... Обломки мачт, шлюпки, тюки с чаем, ящики — все это посыпалось на остров. Среди груза было и несколько бочонков с горохом... Бочонки разбились, и горох рассыпался по земле... А через несколько лет не узнать было остров — весь он покрылся побегами гороха.

ЗАЙЧИК-ВОДОЛАЗ

Василь ВИТКА

РАССКАЗ

Рисунок А. Ежелина

Наш колодец у самой улицы. И хоть он зовется Тихонов колодец, воду из него берут все, кто хочет.

Вода в нем светлая и чистая.

Колодец копали мы, я и мой отец. Но как только начали, видим — идут и соседи с лопатами.

— Пришли помочь тебе, Тихон, — сказали они моему батю.

Отец обрадовался, ведь скопом выкопаешь за два-три дня, а вдвоем мы и за месяц не управимся бы.

И работа у нас закипела. После обеда я заглянул в колодец и даже напугался. Такая была глубина.

Батя сказал:

— Стась, отойди. Лучше собирай вон камешки, что мы выкидываем наверх с глиною.

Я стал у холодной желтой горы и набрал целую кучу мокрых и гладких голышей. А потом перенес их все в палисадник и обложил ими грядки.

Назавтра мы спустили трубы, ставя их одну на другую. Колодец у нас цементированный. Отец сказал мне:

— Глянь, Стасик, как далеко вода.

Я заглянул и не увидел дна.

— Как мы ее достанем, батя? — спросил я.

— Она сама придет.

Я крикнул в колодец:

— Вода!

С самого дна откликнулось:

— А-а!

Тогда я совсем тихо сказал:

— Стась.

Глубина ответила:

— Ась!

Ту воду, которая набралась за ночь, мы с батей вычерпали. Она была мутная, с глиной и землей.

Так мы выскребали дно, пока не показался чистый крупный песок.

Теперь наша вода самая вкусная. Бывает, и не хочешь, а начнешь пить — не оторваться.

Не диво, что у нашей хаты останавливаются и прохожие, и проезжие. Люди пьют, вытирают рукою рот и говорят:

— Ну и водичка у вас!

В жаркий день, идя на работу, люди наливают себе воды в дубовые баклажки, чтобы было чем утолить жажду в поле. Нет отбою и от ребят. Они сбегаются со всей улицы. И мне столько заботы, пока всех напою.

— Стасик, вытащи хоть с полведерца.

— Стась, принеси кружечку, — просят самые маленькие, которые не умеют пить из ведра.

Я бегу в хату и выношу большущую кружку, которая стоит у нас возле рукомоиника.

Сперва я всех поил с охотой, а потом сказал:

— Не буду.

— Тебе что, воды жалко?

— А то нет?

Отец услышал мои слова.

— А ты знаешь, почему у нас вода вкусная? — спросил он. — А потому, что ей не дают застаиваться. Чем больше ее пьют, тем она вкуснее. Никому не жалею дать напиток, — сказал отец. — Самый усталый человек — и тот сразу сильнее станет, когда попьет свежей водицы.

И я никому не жалею. Я рад напоить из нашего колодца каждого. Заходите, пейте.

Если не можете из ведра напиться, я вам кружку вынесу.

Крутить я могу. Зачерпывать вот не умею. И не только я. Наши соседки тоже часто топили ведро. Качнут цепью, дужка выскочит из защепки, ведро — бух! И нету.

Тогда идут к нам.

— Тихон, голуба, — просят моего батю, — помоги достать.

Мы с отцом берем длинную жердь с крючком на конце и спускаем ее в колодец. Бывает, долго поводишь, пошаришь ею, пока выловишь. И так часто тонуло наше ведро, пока мы не приковали его к цепи. И тогда уже все черпали смело. Как хочешь болтай — не оторвется.

Но, на мое несчастье, оно все-таки оторвалось. И как раз у меня.

Хотел я маме помочь — принести воды.

Может, я слишком сильно дернул, а может, ведро уже слабо держалось. А только зачерпнул я, стал крутить ворот, чувствую — больно легко цепь идет. Поглядел, а ведра и нет.

Обидно мне стало. Маме не помог, а беды наделал.

Как же теперь? Без воды ведь останется вся наша улица.

Подошли соседки, но никто ничего без моего отца сделать не может. А он на целый день в город уехал. Повез колхозные помидоры. Он шофер.

Тут как раз по улице шла наша другая машина. Везла колхозниц на сенокос. Все в цветистых платьях, в белых косыночках. Веселые. И, известное дело, остановились возле нас. Всем же хочется попить и с собой взять нашей водицы.

— Стасик! — закричали с машины. — Угощай водой!

Я стоял, понутив голову, готовый заплакать.

Тут выбежала из хаты мама и испугалась:

— Что такое?

— Ведро упустил.

— Оно же приварено было.

— Оторвалось.

Из кабины вылез шофер.

— Подумаешь, беда! — засмеялся он. — Не горюй, Стась. Мы его мигом достанем.

Он взял жердь с крючком на конце и стал водить по дну. Крючок бренчал по ведру, но никак не мог подцепить за дужку.

Водил-водил шофер жердью — и ничего не получалось. Вода уже стала темной и мутной. И как все ни приглядывались — не могли увидеть ведра.

Встав на цыпочки, заглянул в колодец и я. И тут же вспомнил, что есть у меня помощник.

— Я знаю, кто нас сейчас выручит!

— Кто? — спросил шофер.

— Зайчик! — сказал я.

— Какой зайчик? — удивилась мама. И все засмеялись.

— Штукарь ты, брат, — покачал головой шофер.

Я бросился в сени. Нашел в каморке свое пальто и долго ощупывал карманы. Что такое? Куда же он мог деваться? Наконец нащупал-таки, в самом низу, за подкладкой. Это был осколочек зеркала. Я любил с ним играть, а в солнечные дни пускал зайчиков. Наведешь его, и зайчик куда хочешь пробьется.

Когда я подбежал со своим осколочком и навел его на воду, все удивленно посмотрели на меня. А заглянув в колодец, радостно закричали:

— Смотрите, смотрите!

— И верно, дно видать, — сказала мама.

— А вон и ведро лежит! — и шофер, нацелившись, подцепил его крючком.

Мой батя опять приковал ведро, и теперь все смело черпают воду. Если же оно и оторвется, так невелика беда. У нас есть помощник: зайчик-водолаз.

Перевел с белорусского
А. ОСТРОВСКИЙ

КАК ОТЕЦ, КАК ДЕД, КАК СТАРШИЙ БРАТ...

Писатель Борис Никольский отвечает на письма читателей

Недавно издательство «Детская литература» выпустило книгу Б. Никольского «Солдатская школа». С тех пор издательство получило очень много писем от ребят. Письма приходили из Москвы и из Владивостока, из Казахстана и из Якутии, с Кавказа и с Камчатки. Очень интересные письма! На некоторые из них мы попросили писателя ответить в журнале.

«Дорогая редакция! Мне нравятся профессии моряков, десантников, летчиков, потому что это мужественные люди. Я хочу стать десантником. Мне

кажется, это самая благородная специальность на земле. Мой папа и брат — парашютисты. Они рассказывают много интересных историй. Я еще больше убеждаюсь, когда слушаю их, что буду десантником...»

Сергей Узнябаев, город Уфа
«Я учусь во втором классе. У меня есть эта книга, «Солдатская школа», она мне очень нравится. Мне нравится служба танкиста в армии, а после армии я буду трактористом.

Женя Леднев
«Я хожу в школу в третий класс. Учусь на «четыре» и

«пять». Хочу стать танкистом. Почему? Потому что мой отец был танкистом. И я хочу продолжить отцовскую работу...»

Игорь Порядько
«Мне очень понравилась книга. Хочу стать оператором. Мне восемь лет, живу в городе Вологде. Мне хочется быть оператором, потому что работа эта сложная и полезная...»

Андрей Кузнецов
Вот такие письма приходили и ко мне, автору книжки. Хорошие письма, правда? Сыновья мечтают стать достойными своих отцов, внуки — достойными своих дедов.

Когда я читал письма, мне казалось, я вижу: словно чудесная цепочка протянулась от тех, кто, не жалея жизни, защищал нашу Родину в дни войны, к тем, кто охраняет ее теперь, в мирное время, и еще дальше — к тем, кому предстоит беречь покой нашей страны.

И вспомнилась мне одна встреча. Однажды на войсковых учениях познакомился я с офицером, командиром танкового батальона. Вечером, в палатке, после учебного «боя» рассказывал он мне, как решил стать танкистом:

«Это еще во время войны, в сорок третьем было. Тогда я только в школу начал бегать. В том году у нас в школе, — а жили мы в селе, в Сибири, — появился новый военрук, муж нашей учительницы — подполковник, танкист, вернувшийся с фронта. Весь израненный. Пять нашивок на гимнастерке. Не знаю даже, что тогда нами, мальчишками, ценилось больше — нашивки эти или ордена. Пожалуй, одинаково.

Говорили еще, что один осколок так и остался у него в груди. Будто осколок этот был так близко к сердцу, что врачи боялись его трогать.

А скоро произошло еще одно событие, о котором заговорили во всем селе. Дело в том, что подполковнику этому, военруку, полагалась пенсия. И вот от этой пенсии он отказался, пожертвовал ее на нужды фронта — во имя победы. Тогда многие жертвовали деньги на строительство танков, самолетов — об этом и в газетах писали, и на уроках нам учителя рассказывали. Но одно дело, когда в газетах пишут, а другое — когда такой человек рядом с тобой, тут же в селе. И помню, нашлась одна тетка, соседка наша, и говорит: «Хорошо живут, значит, коль от пенсии отказался». Другие женщины спорят с ней, доказывают, а она на своем стоит: «Чтобы деньги свои последние отдать добровольно — не поверю в это!»

Поспорили так взрослые и забыли. А мне этот спор запал в душу. Казалось, ничего нет на свете важнее — только бы

узнать, кто из них прав. И так страшно становилось — а вдруг соседка?

Я дружил с младшим сынишкой подполковника — всего у него пятеро детей было — иной раз и забегал к ним домой. И тут как раз после школы отправился в ним. Они обедать садятся и меня приглашают. Где семеро за столом — восьмой не обуза.

Хозяйка на стол чугуны ставит. А в чугуне — пустые щи из крапивы — вот и весь обед. Я уткнулся в миску: так стыдно мне стало, что на минуту я мог поверить словам нашей соседки. И хоть мальчонкой был, а тогда же два зарюка себе дал — на всю жизнь. Первый — никогда не верить плохому, что говорят за глаза о человеке. А второй зарюк дал, что во всем буду стараться походить на нашего военрука. Бесповоротное решение принял танкистом стать.

Мечта мальчишки исполнилась. Он стал танкистом, отличным офицером. За службу в мирное время награжден орденом Красной Звезды.

Всем ребятам, кто написал такие письма, кто хочет пойти дорогой своих отцов и старших братьев, я могу пожелать лишь одного: не расставайтесь со своей мечтой. И пусть мечты ваши и планы обязательно сбываются!

И ЛЕТЧИКОМ, И МОРЯКОМ, И ТАНКИСТОМ!..

Но есть немало и таких ребят, кто пока еще не знает, какую профессию выбрать. Как говорится, глаза разбегаются — все интересно.

«...Я — ученик 2-го класса «в» школы № 60 Новосибирской области. Я второй раз читаю эту книгу. И мечтаю стать танкистом или моряком. А еще я хотел бы стать летчиком. Ну, не успеешь все успевать».

Андрей Терковой

Ну что ж, в армии все профессии и важны и нужны. Я думаю, прав первоклассник Толя из Новоильинска Бурятской АССР, который написал так:

«Мне кажется, что все профессии интересны, потому что все профессии главные».

И правда — не может же армия состоять сплошь из одних танкистов. Или из одних летчиков. Что это будет за армия?

Армии, чтобы она была надежной защитницей Родины, нужны и ракетчики, и моряки, и саперы, и артиллеристы, и связисты, и шоферы — всех не перечислишь...

И очень может случиться, ребята, что когда наступит ваша пора служить в армии и вы явитесь на призывной пункт, вас пошлют вовсе не в те войска, куда бы вам больше хотелось, а в те, где вы окажетесь нужнее.

Честно скажу, когда меня призвали в армию и я узнал, что мне предстоит стать связистом, радиотехником, я не очень-то обрадовался. Мне казалось, что совсем не по душе мне это дело — настраивать радиостанции, ковыряться в радиосхемах, возиться с приборами. Но прошло время, и когда я изучил сложную радиостанцию до последней детали, когда мог и работать на ней

и устранить неисправность, что называется, с закрытыми глазами, я вдруг понял, почувствовал, что люблю и эту работу и свою радиостанцию. Тогда-то я и открыл для себя очень важный секрет, которым сейчас хочу поделиться с вами: человек любит свою работу лишь тогда, когда он умеет хорошо ее делать, когда работа слушается его. Если же ты плохо, кое-как знаешь свое дело, оно всегда будет лишь раздражать тебя. Нужно уметь — вот что главное! Надо быть мастером своего дела, и только тогда работа будет доставлять тебе радость.

И потому мне трудно понять мальчика, который прислал такое письмо:

«Я, когда вырасту, хочу стать летчиком-испытателем. Я учусь неважно, на „4“ и „3“».

Какой же из него выйдет летчик-испытатель, если он привыкнет свою работу делать кое-как, на троечку? Я уж не говорю о том, что сегодня летчик-испытатель должен быть очень хорошо образованным человеком. Ведь он испытывает самолеты исключительной сложности! И в технике, и в законах физики, математики должен разбираться отлично.

Нет, мне по душе ребята, которые считают так: уж если поставил перед собой цель, так нужно ее добиваться всерьез.

«Мне 12 лет, но я уже мечтаю стать десантником, — пишет Алеша Конищев из Кеморова. — Я знаю, что в десантные войска берут смелых и выносливых, но я стараюсь овладеть этими качествами. Я занимаюсь спортом и увлекаюсь историей наших войск».

«Дорогая редакция, я с самого детства, как бы вам сказать, по уши влюблен в танковые войска, — признается Коля Климин. — Сейчас я учусь в восьмом классе и хотел сразу после восьми классов пойти в танковое училище. Но теперь с восьмью классами в училище делать нечего, и я думаю окончить десять классов, а потом идти в танковое училище. Моя мечта быть танкистом! И я этого ДОБЬЮСЬ!»

ВОЗЬМУТ ЛИ МЕНЯ В АРМИЮ?..

Некоторые ребята спрашивают, можно ли стать танкистом, если носишь очки, или возьмут ли в операторы, если у тебя была сломана нога и ты слегка хромаешь, или можно ли попасть в десантники, если у тебя слабое здоровье.

Ответить на такие вопросы, конечно, трудно. Потому что последнее, решающее слово здесь будет за врачами, за медицинской комиссией. Но нужно помнить только одно: даже история спорта знает немало примеров, когда слабые в детстве люди, имевшие физические недостатки, благодаря тренировкам и упорству становились не только здоровыми, сильными, но даже выдающимися спортсменами, устанавливали рекорды. Конечно, и тренироваться, и заниматься спортом нужно тоже лишь посоветовавшись с врачом. Иначе можно причинить себе только вред.

А самое главное: никогда не надо вешать нос. Даже если окажется, что из-за слабого зрения ты не можешь стать летчиком или оператором, честное слово, совсем не стоит отчаиваться! Ведь на земле так много увлекательных и полезных профессий!

А КАК ЖЕ БЫТЬ ДЕВОЧКАМ?..

«Здравствуйте! Я очень люблю читать книги про войну, солдат и шпионов. Уже очень много их прочитала. Собираюсь стать летчицей. Я ученица 5 «б» класса. Учусь хорошо. В четверти нет троек. Хочу стать летчицей, потому что мне нравится военная профессия. Дома подшучивают, говорят: «Оставь ты это. Лучше стань врачом или продавщицей». Но я твердо решила стать летчицей. Если не примут, стану милиционером. Скажите, пожалуйста, а принимают ли девушек в летную школу?»

Люда Боттаева, Нальчик

Есть немало девочек, которые мечтают стать летчицами, моряками и даже танкистами!

Чем, мол, они хуже мальчишек! Таких девочек я должен сразу огорчить: в военные училища сейчас принимают только мужчин.

Во время Великой Отечественной войны многие женщины храбро сражались с врагом. Есть женщины — Герои Советского Союза, которые летали на бомбардировщиках, командовали эскадрильями, есть женщины, которые водили в бой танки. И били они тогда врага не хуже, чем мужчины. Я сам, например, лично знаком с замечательной женщиной — капитаном запаса Валентиной Васильевной Чудаковой. В годы войны Валентина Васильевна находилась на самой что ни на есть мужской должности — была командиром пулеметной роты. Она была храбрым, никогда не унывающим командиром. Родина наградила ее многими орденами и медалями. Теперь Валентина Васильевна Чудакова — писательница, автор книги «Чижик — птичка с характером».

Таких женщин немало.

Но сейчас, в мирное время, такой необходимости, чтобы девушки управляли танками или военными самолетами, нет. Ведь эта работа требует большой физической силы и большого напряжения.

И все-таки, я думаю, девочкам не стоит особенно расстраиваться. Во-первых, и водить, допустим, самолет, и прыгать не хуже любого десантника с парашютом они могут научиться в спортивном клубе ДОСААФ. А во-вторых, должен признаться: мне даже нравится решительность девочек, которые прислали такие письма. Я уверен, что с такими боевыми характерами эти девочки, когда вырастут, наверняка найдут себе дело по душе.

Кем бы ни мечтал стать каждый из вас — офицером или трактористом, токарем или моряком, врачом или летчиком, я желаю вам закалять свой характер, расти честными и мужественными, трудолюбивыми и образованными, расти глубоко преданными своей Родине.

Рисунки В. Шевченко

Море
Словно мастерская,
Мастерская,
Но морская.
День и ночь
Шумит, рокошет —
Выбирает, трет, песочит,
Выгрызает
В гротах
Залы,
Режет камни,
Точит скалы,
Вырубает
Знаменито
Монументы
Из гранита.
День и ночь
В раскатах гуда
Создает
За чудом чудо!
И взлетает
Пыль морская...
Мастерская!
Мастерская!

Рисунок
А. Харшака

ДРУГ

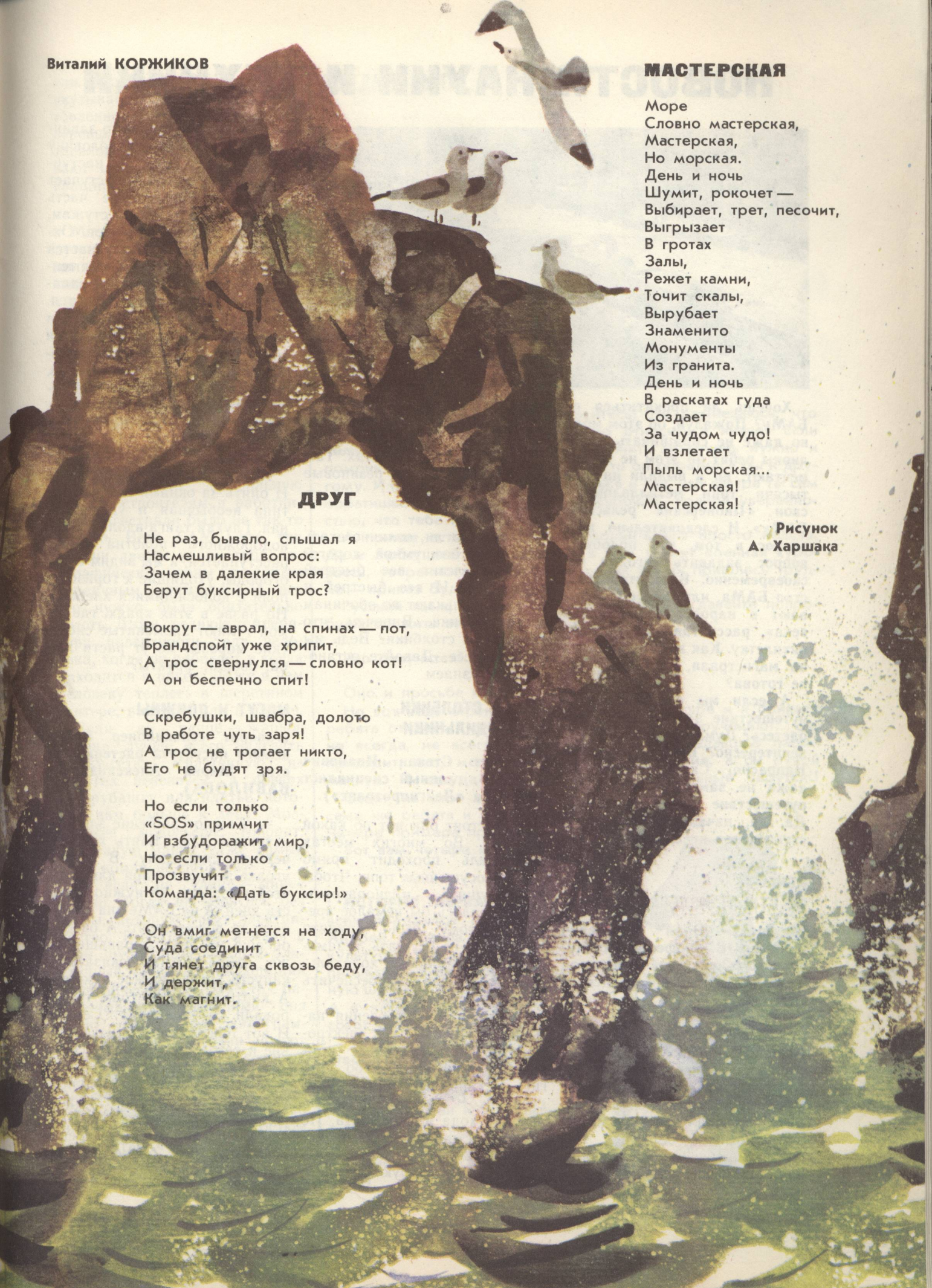
Не раз, бывало, слышал я
Насмешливый вопрос:
Зачем в далекие края
Берут буксирный трос?

Вокруг — аврал, на спинах — пот,
Брандспойт уже хрипит,
А трос свернулся — словно кот!
А он беспечно спит!

Скребушки, швабра, долото
В работе чуть заря!
А трос не трогает никто,
Его не будят зря.

Но если только
«SOS» примчит
И взбудоражит мир,
Но если только
Прозвучит
Команда: «Дать буксир!»

Он вмиг метнется на ходу,
Суда соединит
И тянет друга сквозь беду,
И держит,
Как магнит.

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Хочешь ли прокатиться по БАМу? Пожалуй, об этом можно даже не спрашивать. Миллионы ребят об этом не только мечтают, но и выдали на-гора тысячи тонн металлолома — свои «Пионерские рельсы — БАМу». И следовательно, весь вопрос в том, что подобный вопрос задавать сегодня не своевременно. Ведь строительство БАМа, или, как его называют в народе, «новостройки века», рассчитано не на одну пятилетку. Как же можно ехать по магистрали, если она еще не готова?

А если мы совершим свое путешествие заочно? Вы улыбаетесь? Думаете, что это будет неинтересно? Вы так думаете? Напрасно. Скорее всего вы даже не заметили, что наше путешествие уже началось. Да, да, началось, хотя перестука колес не слышно.

ПОЧЕМУ НЕ СТУЧАТ КОЛЕСА?

(отвечает Юрий Андреевич ЛИМАНОВ, профессор Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта).

— Потому, что рельсы на Байкало-Амурской магистрали бесстыковые, сделаны из особого эластичного металла. Длина каждой рельсины почти километр. И шпалы под ними не деревянные, а бетонные. Насыпь из щебенки тоже необычная. Щебенка в ней склеена

специальным клеем. Мало этого, бамовский поезд не будет стучать ни на стрелках, ни в тоннелях, ни на мостах. Там рельсы уложены на резиновые прокладки.

Не правда ли, отлично ехать по такой бесшумной дороге? А поезд летит все быстрее и быстрее. И все быстрее и быстрее мелькают по обочинам пути столбики. Впрочем, что это еще за столбики? Ведь мы не на шоссе. Давайте остановимся и узнаем.

ЭТО НЕ СТОЛБИКИ, А ХОЛОДИЛЬНИКИ

(уточняет Степан Иванович ГАПЕЕВ, главный специалист института «Ленгипротранс»).

— А стоят они вот по какой причине. Во многих местах магистраль проходит прямо через неосушенные топи. Чтобы их осушить, мелиораторам потребовалось бы немалое время. Поэтому было принято решение — не осушать, а замораживать. Мощные холодильники могут надежно обеспечить неизбежность трассы.

Источникам охлаждения насыпи не нужны ни электроэнергия, ни привычные компрессоры, ни какие-либо другие механизмы. Они будут стоять хоть сто лет и не попросят ухода или ремонта. По своему устройству новый морозильник — это металлическая труба, которую наполня-

ют керосином и наглухо заворачивают. Потом наполовину погружают в грунт. С наступлением холодов она приступает к работе. Верхняя ее часть открыта всем ветрам и стужам, поэтому быстро остывает. Охлажденный керосин опускается вниз, вытесняя вверх более теплую жидкость. Но и эти запасы тепла быстро теряются. Охлаждаясь все сильнее и сильнее, они тоже стремятся вниз. Такая циркуляция керосина продолжается до тех пор, пока зимняя стужа не переселится целиком под землю и не останется там навечно.

А теперь снова в дорогу. И опять за окнами вагона картина необычная и удивительная. Глухая тайга вдоль железнодорожного полотна вдруг расступается, и мы видим сады, огороды, уходящие к горизонту поля с колосющимися хлебами. Но разве в этих краях, где зимой гуляют знаменитые сибирские морозы, могут расти хлеба, овощи, фрукты?

МОГУТ И ДОЛЖНЫ

(говорит селекционер Всесоюзного института растениеводства Мария Александровна ВАВИЛОВА).

— Каждое растение здесь — истинный клад. Взять хотя бы черную смородину. В любом уголке земного шара для того, чтобы созреть, ей нужно более ста дней. А на БАМе она поспевает за семьдесят! А овес — он еще на неделю раньше. То же самое можно сказать о капусте, репе, свекле, укропе. А картофель? Его тоже тренировали в условиях Севера. И вот теперь самые жизнестойкие и самые скороспелые сорта поселились на БАМе. Среди новоселов БАМа вы можете увидеть и яблони. Интересная подробность: даже самые закаленные из них и самые тренированные все равно боятся лютых морозов. Так как же

они здесь зимуют? На зиму их укутывают специально приготовленной пеной. Всю зиму деревце отсыпается под теплым одеялом. А весной пену размыывают внешние воды. Пена превращается в ценное удобрение.

Многие участники нашего путешествия, особенно девочки, должны обратить внимание, как бамовцы одеваются. Одеваются они действительно необычно.

САМАЯ НАУЧНАЯ МОДА

(рассказывает сотрудник Главной геофизической обсерватории кандидат географических наук Нина Андреевна ЕФИМОВА).

— Подобрать правильную одежду строителям и работникам магистрали было не так-то просто. Ведь БАМ — это три тысячи двести километров, географические зоны с самым различным климатом. И все это нужно было обязательно учесть. Даже среднюю температуру поверхности тела человека, когда он работает и когда находится в покое. Даже в чем человеку теплее: в шерстяном свитере, в куртке или в плаще.

Если на улице — жаркое солнце, лучше всего надевать майку-сетку, сплетенную из упругих веревочек, а поверх нее рубашку или платье, которые вам больше к лицу. Московские модельеры говорят, что такую майку даже самый злой комар не прокусит.

А если на улице — минус сорок? Тогда не обойтись без шубы, которую греет электричество. Вместо ваты и меха в этой шубе снизу подшит эластичный материал, проводящий электрический ток. Вместе с батареями-подогревателями она весит около двух килограммов. Из этой же ткани делают и рабочие костюмы, в которых и куртка, и брюки, и стельки для обуви, и рукавицы подогреваются электричеством. Про них так и говорят: «Костюм мощностью сто ватт... Рукавицы — по пять ватт».

Материал подготовил В. ЧЕТКАРЕВ

БЕСЕДА У КОСТРА

И ПРОСЬБА, И ПРИКАЗ

Есть хорошее доброе слово ПРОСЬБА. Есть и другое хорошее слово — ПРИКАЗ.

Как вы к этим словам относитесь? Не сомневаюсь, что хорошо. Да и как к ним можно относиться иначе? Если человек тебя о чем-то просит, значит, это очень нужно и помочь ему можешь только ты. Не то он обратился бы к другому. И потом, может ведь случиться и так, что завтра ты сам обратишься к кому-нибудь с просьбой. С полной уверенностью, что тебе не откажут.

А приказ есть приказ. Не выполнить его просто нельзя. Да и любят это слово ребята: в нем звучит военная суровость, уверенность в твоих силах, как бы ни пришлось трудно — приказ будет выполнен.

Русский язык, конечно, не математика, но давайте попробуем сложить эти два слова:

ПРОСЬБА + ПРИКАЗ

Что получится? Новое, третье слово:

ПОРУЧЕНИЕ

Оно и просьба и приказ сразу.

Но вот ведь странное какое дело: к просьбе и к приказу ребята относятся со всем уважением, а к поручению?.. Ох, не всегда, не всегда... Сколько к нам в редакцию писем приходит, что, мол, дали пионеру поручение, а он рукой махнул. И откуда только такие неосознательные берутся?!

Ответ на этот вопрос мне сами же ребята и подсказали. Четыре примера привели.

Вот вам четыре истории.

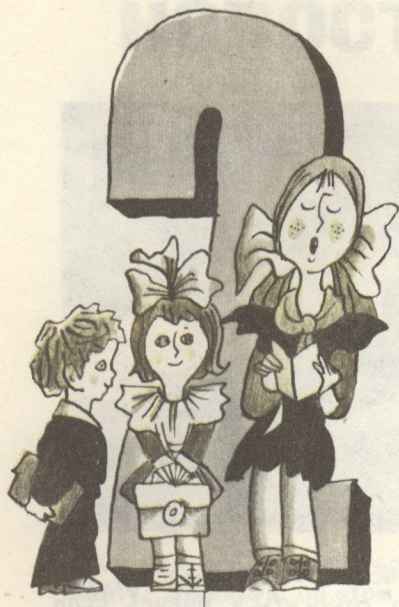
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. Больше всех предметов пятиклассник Андрей Рыбаков любил физкультуру. Три раза бегал записываться в детскую спортивную школу — приняли наконец. А в лагере вызывают его на совет отряда и говорят:

— Мы тебе поручаем шефство над детским садом. Будешь малышам сказки читать и чинить им игрушки.

Андрюша так и подпрыгнул с табуретки:

— Какие сказки?! Каким малышам?! Не умею я! Не буду!

Вылетел пулей из пионерской комнаты — и прямо на стадион. Думаете, был он хоть раз в детском садике? Как бы не так! Вот если бы ему поручили создать футбольную команду — тогда другое дело! В лепешку бы разбился, а первое место занял.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. Маше Садчиковой поручили взять шефство над октябрятской звездочкой. Маша не отказалась, пошла к своим октябряткам, подружилась с ними. Чуть свободная минутка — бежит во второй класс.

Обучила она своих октябрят разным играм, рассказала о пионерах-героях, альбом о родной природе выпустила. Возится Маша с октябрятками и ждет: вот придет проверять ее работу совет отряда — будет ей чем похвастаться!

Но никто не приходит. Даже не спрашивают: «Как там у тебя дела с октябрятками?» Забыли о ней совсем...

Обидно стало Маше. И октябрятка как-то разонравилась. До весны она с ними все-таки занималась, а на следующий год не пошла.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. Когда в отряде распределяют поручения, Миша Горохов втягивает голову в плечи. От страха. Ну, как опять его фамилию назовут?!

Миша Горохов, во-первых, редактор стенной газеты; во-вторых, он ответственный за сбор макулатуры; в-третьих, Миша должен помогать Игорю Чикину по русскому языку; в-четвертых — в школьном хоре петь; в-пятых, шефствовать над старенькой учительницей; в-шестых... Что же в-шестых? Ай-я-яй, совсем забыл. А ведь было еще в-седьмых и в-восьмых!.. Совсем плохо. Выходит, он целых три поручения не выполняет? Запутался, забыл...

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. Зато у Люси Птичкиной никаких поручений нет! И не было никогда. Ни в первом, ни во втором, ни в третьем, ни в четвертом, ни в пятом классе! И вдруг — на тебе! — вызывают и поручают.

— Вот еще! — говорит Люся. — Была охота! Других, что ли, ребят нет? Зачем мне это надо?!

То ли испугалась Люся, то ли растерялась, но — дверью хлоп! — и пошла по своим делам. А может быть, она просто привыкла, что все за нее другие делают. Сама-то ведь она никогда ни для кого не постарается. Отряд сам по себе, Люся сама по себе.

ЧТО ЖЕ ПОЛУЧАЕТСЯ! Получается все очень просто. Нельзя раздавать поручения кому попало, надо — по душе. Чтобы порученное дело человеку интересно было.

Поручил — проверь, как выполняется. Тогда и ответственность за порученное дело будет.

Не вали все поручения на одного — не справится. Много в отряде дел — так ведь и ребят не мало. Распредели их между всеми, и не останется «непристроенной» Люси. Поручения выполнять тоже ведь нужно учиться!

А главное, нужно всегда помнить, что поручение — это просьба. Твоих ближайших товарищей. И также — приказ. Твоего пионерского отряда.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РЕКИ

А. КУШНЕР

Привели меня к дому сперва,
Где жил Пушкин. Сказали: — Постой-ка...
Я спросил: — Эта речка — Нева?
Мне сказали: — Ты что, это Мойка!

А потом вроде узкого рва
Видел речку свинцового цвета.
Я спросил: — Неужели Нева?
— Нет, канал Грибоедова это.

А потом шелестела листва.
Сколько статуй! Какая прохлада!
Я спросил: — Эта речка — Нева?
— Нет, Фонтанка у Летнего сада.

А потом — синева, синева,
Шпиль, и солнце, и волны, и ветер.
Я не спрашивал: «Это Нева?»
Я и сам бы любому ответил!

Рисунок О. Филипенко

ПОИСК*ЗЕЛЁНЫХ*СТРАНИЦ

Ботанический сад Академии наук СССР предложил ребятам важное для ученых дело — поиск редких и необычных растений (см. «КОСТЕР» № 1, 1977 г.)

В редакцию пришли первые сообщения...

Дорогие «Зеленые страницы»!
У нас в уральском городе Кушва растут дубки.

Мы читали, что граница распространения дикорастущего дуба на Урале проходит около 56-й параллели, а наш город расположен севернее

58-й. Быть может, это будет интересно узнать ученым!

Пионеры г. Кушвы Свердловской области

Получив это письмо, мы срочно позвонили в Ботанический сад Академии наук СССР.

— Представляет ли интерес для науки факт, сообщенный пионерами города Кушвы?

— Безусловно. Только интересно узнать, как и когда туда попали дубы и хорошо ли себя чувствуют?

В Кушву вылетел специальный корреспондент «Зеленых страниц».

Задание по дубкам смотрите в следующем номере.

АВИАПОСЫЛКА

Уважаемые ученые Ботанического сада! Посылаем вам сеянцы лиственницы и кедра Сибирского. Ничего редкого и необычного на Урале эти деревья не представляют. Но, быть может, они акклиматизируются под Ленинградом! Во всяком случае, примите, пожалуйста, наш небольшой подарок...

Пионеры лесничества школы № 10 г. Кушва Свердловской области

ТЕЛЕГРАММА

СЕЯНЦЫ ПЕРЕДАНЫ ЧЛЕНАМ КЛУБА ДРУЗЕЙ ПРИРОДЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ ТЧК ПОДАРОК МЕЖШКОЛЬНОМУ ЛЕСХОЗУ

ВЫСЫЛАЕМ ПОСЫЛКОЙ СЕМЕНА МАНЬЧЖУРСКОГО ОРЕХА ДЛЯ ОПЫТА ПО АККЛИМАТИЗАЦИИ ВАШИХ УСЛОВИЯХ ТЧК БОТАНИЧЕСКИЙ САД АКАДЕМИИ НАУК СССР ТЧК

Письмо-сопровождение к посылке: Дорогие юные лесоводы! Маньчжурский орех очень красивое дерево. Его родина — Дальний Восток, то есть край с влажным морским климатом. Попробуйте акклиматизировать его в ваших условиях — в климате сухом, континентальном. Желаем успеха!

О. А. СВЯЗЕВА,
кандидат биологических наук,
сотрудник Ботанического сада
АН СССР

НАМ ПИШУТ

Я живу на станции Рожино на Карельском перешейке. Поблизости от нас есть огромная лиственничная роща. Ее называют Корабельной. 250 лет назад она была заложена по указанию Петра Первого. Лес был нужен для русского кораблестроения. Выросли великаны-лиственницы. Но пока они росли, корабли стали делать из стали, и вот осталась эта лиственничная роща. Теперь она — заповедная. Каждая лиственница взята на учет и охраняется.

*Наташа Иванова,
7-й класс, ст. Рожино*

„ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ“
ЖДУТ НОВЫХ СООБЩЕНИЙ!!!

Фото Б. Гесселя

Члены клуба друзей природы имени В. В. Бианки Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова Ира Миникаева, Таня Меркушина и Сережа Ефимов высаживают на юннатском участке псевдоцугу тиссолистную — подарок ученых Ботанического сада АН СССР.

«Вада» на ненецком языке означает «слово», «речь», может быть, даже целый рассказ. А вадако — уменьшительное от него — «словечко».

Любит ненецкая детвора свои вадако-словечки!

Антон Петрович Пырерка, первый ненецкий ученый, знал много сказок и был хорошим рассказчиком. Антон Петрович много ездил по

ненецкой тундре, собирал, записывал новые вадако. В Ленинграде в тридцатых годах он опубликовал первые три книжки ненецких сказок, но закончить работу он не успел — в 1941 году Антон Петрович Пырерка ушел добровольцем на фронт и погиб, защищая Ленинград.

Мы печатаем одну из ненецких сказок, записанных А. П. ПЫРЕРКОЙ.

ДВОЕ ИЗ РОДА ЯБТО

Рисунок А. Ивашенцовой

Давно это было. В те еще времена, когда сказки правдой были. Люди из ненецкого рода Пыри шукой умели оборачиваться, потому что шука была их предком. Люди Нохо, из рода

Песца, конечно, песцами оборачивались. Ну, а Ябто — Гуси — летать могли, жить по-птичьи.

Тогда были в тундре два брата Ябто. Оба оленеводы, оба сильные и ловкие. Начнут они

ездовых оленей погонять, ни один другого обогнать не может. Аркан кидать станут, ни разу не промахнутся. До топоров дело дойдет: кинут — топоры улетят в небо, ни один не упадет на землю. Как проверить, чей дальше? И в прыжках через много саней, поставленных в ряд, у них нет победителей. Оба равны.

Однажды старший Ябто сказал:

— Тесно нам с тобой, брат, в большой тундре. Ты, как мое отражение, если поглядеться в воду. Или, может быть, это я — твое отражение?

Старший еще добавил:

— Есть у нас в роду предание: кто превратится в гуся и проживет птицей целый год — сильнее того не будет во всех тундрах. Может быть, нам попробовать?

Другой Ябто ответил:

— Ты — старший брат мой. Тебе решать. Слова поперек у меня не будет.

Вот зимняя одежда земли порвалась во многих местах. Варюи-проталины проели снег, как проедают весной оленью шкуру личинки овода. Тогда слышали братья первые гусиные крики. Поняли братья гусиный разговор.

— На родину мы вернулись! На родине хорошо будет нам!

В небе, как очертания чума, гусиный клин колыхнулся.

Тогда старший брат Ябто сказал:

— Пора!

Перевернулись братья Ябто через головы, в гусей превратились, крыльями зашумели: — Лети-им!

Приняла братьев гусиная стая. Вожак их в середину строя поставил, чтобы вперед не вырывались, сзади не оставались.

Весна в тундре быстрая. Вчера еще, кажется, первые ручьи толщу сугробов резали-кроили. Сегодня озерный лед треснул, прозрачным стал — так, что на воде не видно, — и вовсе растаял. Завтра озерные берега проросли молодой травой — будто ресницы окружили глаза.

Гусиная стая отошала за время дальнего перелета, кормиться стала. Старший брат Ябто целый день травой в клюве хрустит.

— Будучи людьми, — говорит, — как же не понимали мы сладости травяной мякоти?

Зеленая ряска все озеро покрыла. Ходят на нем под ветром зеленые волны. Старший брат Ябто целый день клювом ряску снимает.

— Это, — говорит он, — вкуснее оленьего мозга!

Младший Ябто тоже кормится, силы набирает, но меньше ест — осторожничает:

— Если мы, старший брат мой, слишком жирными станем, быстро двигаться не сможем.

Старший на него только крылом машет:

— На один только год мы гусями стали! Как тут вкусным не полакомиться?!

Лето пришло. Гуси линять стали. Старые перья и пух теряют, место освобождают, где новым расти. В это время гуси летать не могут, бегают только. В лапках перепончатых

тогда вся их сила. На время сна вожак стал выставлять караульщиков. Пока остальные гуси спят, караульщик шею вытягивает, все смотрит вокруг, все слушает, нет ли опасности? Чтобы не заснуть, гусь-караульщик на одной ноге стоит, вторую под себя поджал. Если засыпать станет — упадет. Тогда встрепется, опять шею вытягивает.

Настала очередь старшего Ябто караулить. Стая заснула, он тоже спать захотел. Думает: «Посплю я немного. В предыдущие ночи ничего ведь не случилось».

Сунул караульщик голову под крыло, заснул. Спит вся стая. А охотники в это время стаю окружают. Легкие озерные лодки они на санях подвезли, на воду потихоньку спускают. Собаки с ними, чуют близкую добычу, но молчат пока, чтобы не спугнуть раньше времени.

Руководит загоном Большой Вынукан. Во всех ненецких тундрах — он самый сильный. Только братья Ябто ему соперники. Бойтся Большой Вынукан: если братья год гусями проживут — не победить их будет. С первого дня превращения в гусей он за Ябто следит, удобного момента ждет — вот и дождался.

Огляделся Большой Вынукан: все как надо. Лодки жителей семи земель, как частые поплавки невода, всю стаю полукругом обложили. Между ними собаки — как тетива невода. В месте, где невод выбирать надо, сам Большой Вынукан с товарищами в береговых кустах затаился. Их длинные дубинки от жажды страдают — напиться гусиной крови хотят.

Махнул дубинкой Большой Вынукан. Разом залаяли собаки, забили по воде весла, закричали загонщики. Гуси проснулись, со сна понять ничего не могут. С трех сторон такой шум стоит, от какого душа в кончики лапок стремится. С четвертой стороны тихо пока. Туда вся стая бросилась. Лапки гребут так, что озеро забурлило.

Два Ябто рядом держатся. По-человечьи-то они сообразили, что в загон попали. Но вырваться некуда! Все ближе крылья невода, к страшному берегу так и толкают.

Младший Ябто вдруг говорит:

— Я тут подземную протоку видел, когда нырял. Протока в соседнее озеро как будто ведет. Набери, брат, воздуха побольше — нырнем.

Нырнули братья. Плывут в темноте. Протоке конца нет. Изнемогают братья, воздух изнутри их вот-вот разорвет.

Наконец-то свет впереди показался. Вынырнули гуси — у берега соседнего озера, отдышаться не могут. Слышат, рядом где-то конец загона. Их товарищи все уже полегли.

Слышно также, Большой Вынукан говорит: — Жители семи земель, мясо этих гусей себе возьмите. Посолите его. Всю зиму станете есть соленое мясо. Мне только двух гусей отдайте.

Потом Большой Вынукан опять говорит:

— Нету тех, что мне надо! Как же они ускользнуть-то смогли?

Слышно, он собак вдогонку посылает:

— Усь! При-и!

— Бежать нам надо, — говорит младший Ябто. — Старший брат, скорее побежим!

Одна собака на след их напала.

Быстро бежит младший Ябто. Даже собаке его не догнать. А вот старший отстаёт — жирный стал очень. Вот-вот догонит его собака.

Просит старший Ябто:

— Брат мой, помоги! Нет сил больше.

Остановился младший Ябто, собаки дождался. Со всей силы ударил крылом прямо в черны́й нос. Упала собака, дернулась раз и вытянулась. Издохла.

Только крыло у младшего Ябто повисло. Сломал он его. Болит крыло, будто его на раскалённых углях жгут.

Теперь два брата Ябто вдвоем живут. Настороже держатся. Если один спит, другой всю ночь на одной ноге стоит.

Осень настала. Все гуси на крыло поднялись. Один младший Ябто летать не может, плавает только. Крыло его заживать-то заживает, но медленно очень.

Все гуси построились в дорожные порядки. Двинулись в дальние земли, где не бывает зимы. Братья одни остались. Замерзает уже озерная вода. Тихо позванивают мелкие льдинки: «Сэньг-сэньг».

Часто говорит теперь старший Ябто:

— Как же ты так собаку ударил? Я бы мог ловчее сделать. Теперь и мне с тобой погибать!

Однажды младший Ябто проснулся один. Ждал брата, звал: нету брата — улетел он, видно, вслед за гусиными стаями.

Закричал младший Ябто как от боли. Замахал, что было силы, крыльями. Только взлетел — обратно в воду упал. Слабо ещё крыло, не удержало в воздухе.

Лед у берега уже крепкий стал, чёрный, без снега. Как пойманные, вмерзли в него белые пузырьки воздуха, поднявшиеся со дна. Только в середине озера рябит чёрная вода.

Каждый день меньше становится озерная полынья. Младший Ябто за неё, как за жизнь, держится. С хрустом давит лапами слабую кромку, долбит клювом. Лапы его от ледяной воды стали красные, как ошпаренные кипятком, все изрезаны в кровь. Без отдыха он теперь день и ночь плавает, воду бурлит, не даёт совсем льду сомкнуться.

Но вот уже в самой середине озера — крохотная полынья, размером всего с гусянье тело.

И тут почувствовал вдруг Ябто, что крыло его окрепло! Взлетел он, и сразу лед под ним сомкнулся — будто и не было свободной воды.

Полетел младший Ябто на юг. Вслед ему

Северный ветер поднялся — так и несёт. За один день гусь пролетел расстояние, какое, наверное, стая за неделю пролететь могла. Второй день также несёт его Северный ветер. На третий, у самой кромки лесов, ветер стих. Глядит вниз младший Ябто, видит маленький снежный холмик, а из него что-то длинное торчит, как гусянья шея. Спустился младший Ябто, действительно, перед ним — замерзший гусь. Узнал его Ябто, сказал:

— Старший брат мой! Не далеко ты, оказывается, от меня улетел...

Что долго рассказывать?

Новая весна пришла. Вернулись в тундру гусянье стаи. С первой младший Ябто прилетел. Покружился над родным стойбищем и опустился на землю. Через голову перевернулся — человеком встал на ноги.

Младший Ябто в свой чум вошёл, на постель лег. По обычаю богатырей, целых три месяца он спит. Через три месяца встал. Лето уже в самом разгаре.

Младший Ябто оленей поймал, в сани запряг, поехал куда-то. Семь дней он только оленей гонит. Следы его саней вперёд и вперёд тянутся. Вот показалось на гребне хребта большое стойбище, чумов сто, наверное, вместе стоят. Оленей пасётся видимо-невидимо.

Младший Ябто к самому большому чуму подъехал, вожжу оленью незавязанной бросил. Так сказал:

— Большой Вынукан! Чего ты ждёшь? Выходи навстречу!

Большой Вынукан из чума вышел. Говорит:

Младший из двух братьев Ябто, ты, верно, меня убить приехал. Если сможешь — убей. Только прежде давай померяемся силой.

Велика сила Большого Вынукана. Раз взмахнул он правым рукавом малицы: летом вся тундра побелела от снега, озера замерзли, встали реки. Глубокая зима пришла. Только, видно с хребта, в одном озере, на самой середине осталась маленькая полынья, размером не больше гусяньего туловища. Сколько ни старался, не смог заморозить её Большой Вынукан — немножко, но его силы не хватило!

Тогда младший Ябто в свою очередь рукавом махнул. Снова вернул в тундру лето. Ни следа внезапной зимы не осталось.

Младший Ябто сказал:

— Ты прав, Большой Вынукан: тебя убить я, оказывается, могу. Но земля наша велика. Не будет в ней двум силачам тесно. Из-за пустого соперничества я потерял уже брата. Давай оба в нашей земле жить и защищать её, если придут враги.

Всё.

Советы Наши Мастерницы

Рисунок О. Филипенко

Если хочешь, можешь поучиться вязать.

На первый раз мы с тобой свяжем простую тряпочку-ухватку: горячие кастрюли с плиты снимать.

Вязать будем крючком. Сперва нужно выучить вот что: воздушную петлю, цепочку и столбики.

Крючок подберем по нитке. Он должен нитку хорошо захватывать, а бородку иметь не слишком большую.

Смотри, как нужно держать нитку. Нитка перевешивается через средний сустав указательного пальца, заходит под средний палец и выходит со стороны ладони между средним и безымянным пальцем, — к клубку. Крючок подводи под нитку бородкой вниз, зацепляй нитку и поворачивай по часовой стрелке.

Зацепи нитку, втяни в петлю. Петлю с крючка затягивай на новой петле. Вот и получилась первоначальная воздушная петля. Не затягивай туго, не делай петлю очень большой.

Не снимай первоначальную воздушную петлю с крючка. Продолжай точно так же вывязывать все новые и новые петли, пока не выйдет цепочка такой длины, какой будет одна сторона ухватки.

Через предпоследнюю петлю цепочки вытяни вторую петлю.

Крючком снова вытягивай нитку сквозь петлю заворота и вторую петлю. Это и будет первая петля второго ряда.

Не спуская первую петлю, проколи цепочку и захвати из нее на крючок следующую по порядку петлю. Полу-

Получается петля.

Не вынимая крючка из этой петли, подводи бородку под нитку, которая тянется к клубку.

Теперь нужно переходить ко второму ряду. Поверни цепочку так, чтобы последняя петля стала первой. На ней строй петлю заворота.

чится первый столбик, который связывает второй ряд с первым. Теперь снова захвати нитку, чтобы сделать вторую петлю второго ряда. Провяжи ее так же, как первую, чтобы получить второй столбик, и так вяжи дальше.

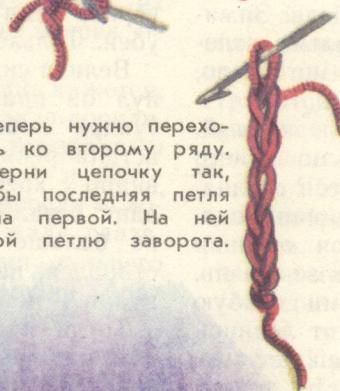
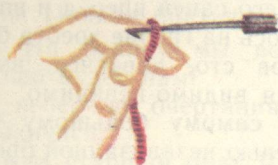
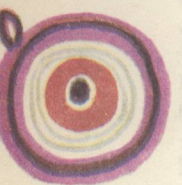
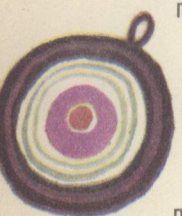
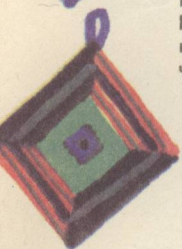
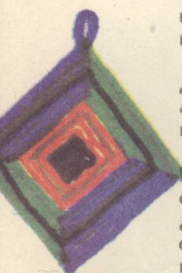
Дойдешь до конца цепочки — переверни снова все вязанье, пусть последняя петля станет первой. Делай на ней петлю заворота и начинай третий ряд.

Две такие прямоугольные ухватки — чем не подарок ко дню 8 Марта? Любая хозяйка спасибо скажет.

А еще постарайся додуматься, как связать круглую ухватку.

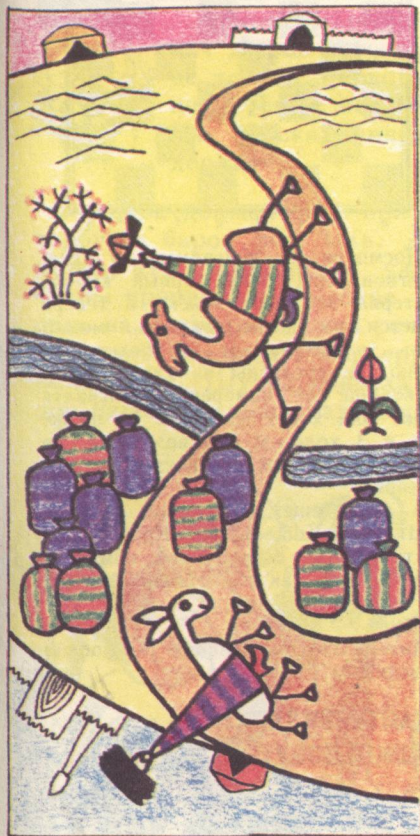
Я тебе немного подсказу. Свяжи пять воздушных петель, соединяя друг с другом. По спирали обвяжи их столбиками.

Дальше — догадывайся.

Составил
и оформил
В. Уфлянд

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЛЕТ НАШЕГО РЕПОРТЕРА

Остановка вторая —
Казахстан и Туркмения

Ковер-самолет пролетал над бескрайними казахскими степями. Наш Репортер заметил двух всадников.

Все разглядел его острый глаз: и то, что с востока едет всадник на верблюде, а с запада — на осле. И то, что оба они чрезвычайно преклонного возраста и оба седовласы, но ни у того, ни у другого нет даже намека на бороду.

Ковер-самолет круто спланировал к месту встречи всадников. И как раз вовремя.

— Здравствуй, безбородый, — сказал всадник с востока всаднику с запада. — Догадываюсь, кто ты такой. Если молва о тебе справедлива, ты должен легко решить нашу древнюю казахскую задачу. Вот она.

Верблюд и осел несли тяжелые мешки. Верблюд пожаловался, что устал. «Напрасно жалуешься, — сказал осел. — Если я возьму у тебя один мешок, моя поклажа станет вдвое тяжелее твоей. А вот если бы ты взял у меня один мешок, мешков

у нас было бы поровну. Сколько мешков нес верблюд, и сколько — осел?

— Ну, нет, безбородый, — ответил всадник с запада. — Сначала ты реши мою задачу, а потом я решу твою. Я ведь тоже догадываюсь, как тебя зовут. Вот, слушай.

На рассвете из Теджена в Чимкент выехал наездник на верблюде. Часом позже из Чимкента в Теджен выехал наездник на осле. Осел идет по тому же караванному пути, что верблюд, и навстречу ему, но в два раза медленнее. Спрашивается: когда наездники встретятся, кто из них будет дальше от Теджена — тот, кто на верблюде, или тот, кто на осле?

Тут уж Наш Репортер, конечно, догадался, что перед ним два знаменитых бессмертных безбородых хитреца: Алдар-Косе казахский и Алдар-Косе туркменский. Разумеется, они встретились, чтобы посостязаться в остроте ума.

Тем временем оба Алдара условились, что первым будет решать задачу тот, кто проиграет партию в старинную игру кочевников «13 камней». Вот такая это игра.

В середину очерченного на песке или на бумаге круга кладется кучка из 13 камней. Первый играющий берет 1, 2 или 3 камня. Второй играющий берет из оставшихся камней 1, 2 или 3, как и первый играющий. Так они по очереди берут камни, и проигрывает тот, кому приходится взять последний камень.

Алдар-Косе казахский великодушно предложил сопернику сделать первый ход, и его соперник проиграл. Затем

Алдар-Косе туркменский ответил той же любезностью, и на этот раз проиграл Алдар-Косе казахский.

Ковер-самолет уже набирал высоту, а два бессмертных хитреца все еще продолжали уступать друг другу первый ход, и каждый раз выигрывал тот, кто ходил вторым — если только не делал ошибку на первом и втором ходе.

Ответы на задачи и секрет игры читайте в следующем номере «Костра». Присылать решения в редакцию не нужно.

А можно сделать и так: вы с товарищем обмениваетесь записками, в которых указываете каждый свое

решение. По получении очередного «Костра» записки торжественно читаются вслух. Тут и выясняется, победил ли кто-нибудь из вас, или победенных не оказалось.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ № 1.

Возраст пастуха. Число ног у овец: $23,25 \times 12 \times 4 = 1116$. Пастуху $111 + 6 = 117$ лет. Задача пастуха основана на старинном математическом фокусе. Вы предлагаете собеседнику, не называя числа своих лет, умножить его на 10 (число пальцев на руках) и вычесть из этого произведения произведение любого однозначного числа на 9 (общее число горбов у трех двугорбых и трех одногорбых верблюдов). Получившееся число просите сообщить вам и удивляете собеседника тем, что называете его возраст.

Действительно $117 \times 10 = 1170$. Пастух умножил 6 на 9, что равно 54. $1170 - 54 = 1116$. Правда, результаты этого фокуса безошибочны лишь тогда, когда вашему собеседнику больше 9 лет.

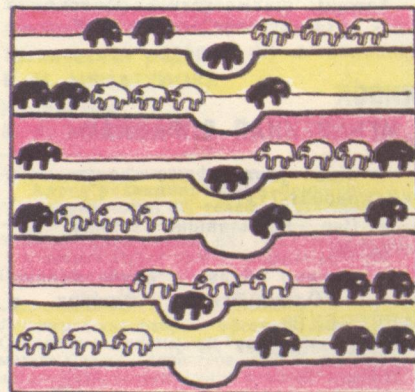
Для тех, кто уже знаком с алгеброй, поясняем фокус уравнениями. X — искомый возраст. U — любое однозначное число. X больше U , а U меньше или равен 9.

$10x - 9u = 10x - 10u + u = 10(x - u) + u$. Так как $x - u$ — число положительное, то $10(x - u) + u$ имеет u единиц, а если эти u единиц отбросить, то изменится разряд числа и оно будет равно $x - u$.

$x - u + u = x$, то есть число десятков, сложенное с числом единиц, равно возрасту собеседника.

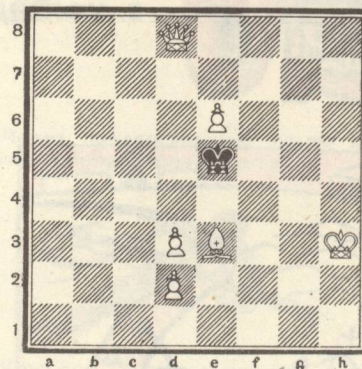
А эти рисунки объясняют, каким образом черные и белые овцы ухитряются разойтись на узком мостике с пяточком.

Переправа богатырей. Два пастушонка сели в лодку и переехали реку. Один остался на берегу, а другой пригнал обратно лодку и отдал богатырям. В лодку сел богатырь и переправился на другой берег. Пастушенок, оставшийся там, пригнал лодку обратно, взял своего товарища-пастушонка, и они снова переехали реку. Так повторялось, пока не переправились все богатыри.

ПОДАЙ КОМАНДУ

Посмотри на диаграмму: в предшествовавших боях черный король растерял все свое войско и теперь мечется по доске, надеясь, может быть, только на пат. Но белые, конечно, не согласны на такой исход и вообще не намерены затягивать дело. Они хотят дать мат не позже чем в 3 хода. И это возможно, но как? Поддай им точную команду, рыцарь!

А вот еще положение — белые: Kpd1, Cb3, Kd3; черные: Kpa1, п. а3. И тут белые ждут твоей команды. Сумеешь ты так распорядиться, чтобы обеспечить мат в 4 хода? Попробуй!

Автор этих двух задач Н. Коблов (Каспийск).

СДАЙТЕ ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВУ!

№ 1. Белые: а5, с1, f2; черные: d6, f4, h6.

№ 2. Белые: с1, с5, f2; черные: с7, g5, h8.

Эти два шашечных окончания случились в сеансе одновременной игры, который проводил известный шашист из Кисловодска Г. Д. Маркосов. Он играл белыми и выиграл.

А ты, доблестный рыцарь, выиграл бы? Если — да, покажи, каким образом. Сдай экзамен Пешкоедову!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 11. Шахматы: диаграмма — 1. с8Ф; без слона — 1. с8С!; и без коня — 1. с8К+!; и без второго слона — 1. с8Л! Шашки: 1. bc3! c3! 3. b2! 4. gf2 5. e3X.

«Костер» № 12. Шахматы: пешка ставится на b6 и тогда — 1. ba Ка6 2. а8К! Шашки: Знай сказал, что белые выигрывают — 2. fd2! 3. dclX.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю.

§1. Рыцарям и оруженосцам отправить рапорты до 1 апреля.

§2. Рапорт писать на открытке (с рисунком или без — все равно) и не вкладывать ее в конверт.

§3. В левом верхнем углу открытки указать номер приказа и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ЧЕМПИОНАТ-77

Борьба в чемпионате АРЧЕБЕКА разгорается — сегодня второй тур. Какие же задания ждут участников? Вот они.

Две задачи на мат в два хода для шахматистов.

А. Белые: Kpb6, Фе6, Cd7, Ка6; черные: Кра8, Ld8, п.b7.

Б. Белые: Kpa1, Фb2, Ла3, Са7, Kd7; черные: Кра8, Лh4, Лh6, Cg5, Kb8, пп. b7, e7, h3.

Две концовки на выигрыш белых для шашистов.

А. Белые: а1, а5, b4, с5, d2, e1, h2; черные: а7, с3, d8, f4, g3, g5, h8.

Б. Белые: а3, b4, c1, g3, g5, h4, h6; черные: а5, а7, d2, d4, e3, e5, h8.

Авторы: шахматы — А. Максимовских (Загайново), шашки — Сережа Похвалитов (Зерновое).

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Как узнать, кто допущен в «Чемпионат-77»?

— Все, посылавшие заявку, допущены!

— Когда будут опубликованы итоги Олимпийского турнира в АРЧЕБЕКЕ?

— В «Костре» № 4!

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

1. Сыграй 25 партий (конечно, не за один раз).

2. Напиши рапорт: что такое рокировка? Когда рокировать нельзя? Зачем делают рокировку?

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставлена выловленная в море бутылка. Откупорили — там записка:

«Я, Петя Котиков, попав на обитаемый остров и размышляя о всяких вещах, изобрел запись шахматных ходов.

Ход слоном с а2 на е6 запишется Ca2—e6 (или Ce6);

Ход пешкой с d2 на d4 запишется d2—d4 (или d4);

Взятие ладьей f2 фигуры на b2 запишется Lf2:b2 (или L:b2).

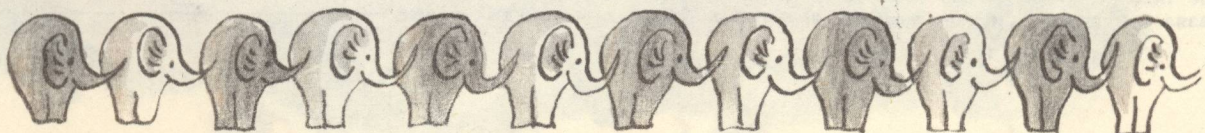
Если шах, ставится + (Kd7+), если мат, ставится X (Фс8X).

Короткая рокировка — 0—0, длинная — 0—0—0.

Превращение пешки в ферзя — с7—с8Ф (или с8Ф).

Ход белых и ответ черных надо писать под одним номером — 1. d2—d4 Kg8—f6 (или 1. d4 Kf6)».

Шахмат-адмирал Ферзьбери одобрил такую запись и приказал применять ее всем архебековцам.

Замечательный русский клоун Владимир Леонидович Дуров завоевал общую любовь и восхищение не только цирковым мастерством и остроумием, но и тем, с каким бесстрашием он высмеивал ту-пых царских чиновников, как независимо с ними держался.

В цирк должен был прибыть градоначальник Санкт-Петербурга барон фон Валь. Дуров, находясь на манеже, заметил, что полицейские уже отдергивают портьеру ложи, чтобы пропустить высокое начальство. Тогда Дуров прервал на полуслове свою речь, приложил палец к губам, на цыпочках подошел к барьеру, стал на него и сказал: „Шшш... Валь идет!“ Шутка привела зрителей в восторг, и с тех пор барона во всех разговорах так и называли швалью.

Во время антракта за кулисами московского цирка появились обер-полицмейстер Огарев и сын редактора „Московского листка“ Пастухов. Они сопровождали модно одетых дам. Пастухов, желая блеснуть остроумием, а заодно показать, что он на дружеской ноге со знаменитым клоуном, обратился к Дурову: „Правда ли, Дуров, что клоунам нужно иметь глупое лицо?“ — „Да, — ответил Дуров, — с твоей физиономией я получал бы жалованья вдвое“.

Одесский градоначальник Зеленый прибыл в цирк, чтобы разделаться с Дуровым за высмеивание городских властей. С большой свитой полицейских Зеленый вошел в буфет, где Дуров ждал своего выхода. Все кругом вскочили, только Дуров не поднялся с места. „Встать!“ — скомандовал Зеленый. „Не имею чести знать вас“, — невозмутимо ответил Дуров. Градоначальник, выйдя из себя, заорал: „Скажите этому олуху, что я — Зеленый!“ — „А, Зеленый, — отозвался Дуров. — Ну вот, когда дозреешь, тогда и поговорим“.

СОДЕРЖАНИЕ

Свет твоим глазам рассказ В. Вартан	4
Военная точность очерк В. Шурлыгина	8
Русский Робинзон Яков Мыньков	10
Эстафета пятилеток фото ТАСС	18
Ленинградскому Дворцу пионеров 40 лет	
заметки С. Линчина	20
Стихи твоих ровесников	23
Барабан	
журнал юнкор	24
Наш, смоленский, Володя Куриленко	
очерк И. Ломакиной	28
Привет тебе, Митя Кукин!	
повесть Л. Кузьмина	30
Морская газета	44
Зайчик-водолаз	
рассказ В. Витки	46
Как отец, как дед, как старший брат...	
беседа Б. Никольского	48
Стихи	
В. Коржикова	51
Новости науки и техники	
заметки В. Четкарева	52
Беседа у костра	
В. Сулова	53
Ленинградские реки	
стихи А. Кушнера	55
«Зеленые страницы»	
пионерский поиск	56
Двое из рода Ябто	
ненецкая сказка	57
Советы Маши-искусницы	60
За семью печатями	
головоломки	61
На обложке рисунок А. Харшака	

Главный редактор С. В. САХАРОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ

Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-29330. Сдано в набор 3/XI 1976 г. Подписано
к печати 31/XI 1976 г. Формат 60×90/8.
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 570 000
экз. Заказ 3391. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, ул. Мира, 3.

Тендер—самое маленькое военное судно прошлого века.

Однако его скорости и маневренности могли позавидовать большие парусные корабли. В морских сражениях среди многопушечных громадин тендеру пришлось бы плохо: мало у него было орудий, да и калибр их был небольшим, а вот патрульную службу на морских границах России тендер нес отлично. Ядра его карронад метко попадали в шхуны и бригантины контрабандистов.

Парусная оснастка тендера оказалась настолько совершенной, что просуществовала почти без изменений около 150 лет.

Модель тендера построить интересно еще и потому, что тендер не демонстрируется ни в одном морском музее нашей страны. Получилось так, что это маленькое боевое судно незаслуженно забыли. Но модель достаточно сложна, и нужно много потрудиться, чтобы сделать ее.

Начнем с чертежа. Клетки разметочной сетки увеличьте в 4 раза и по ним проведите все линии чертежа. Выпилите из 5-мм фанеры диамет-

ТЕНДЕР

Так из ткани свертываются койки

РАЗРЕЗ МОДЕЛИ

ральную плоскость (ДП), а из 2—3 мм фанеры — палубу, шпангоуты и транцевую доску. Прорежьте в ДП и шпангоутах пазы (как указано на рисунке). Нарежьте куски пенопласта и вклейте между шпангоутами. Через 24 часа острым ножом срежьте пенопласт до появления на корпусе шпангоутов. Обработайте корпус крупной наждачной шкуркой и покройте слоем масляной шпаклевки (Нитрошпаклевка может растворить пенопласт). Прорежьте в бортах отверстия для карронад и окончательно зачистите корпус мелкой шкуркой. Наклейте на корпус: бархоут, вырезанный из листа 3—4 мм картона, планширь, выпиленный из 2-мм фанеры, транцевую доску. Покрасьте корпус масляными красками так, как указано на рисунке.

Поставьте модель на воду (после высыхания краски) и, насыпав в трюм балласт — 1,5 кг дрови, устранив все наклоны модели. Балласт нужен для того, чтобы модель не перевернулась в свежий ветер под парусами. Дровь залейте расплавленным парафином, он зафиксирует ее на определенном месте.

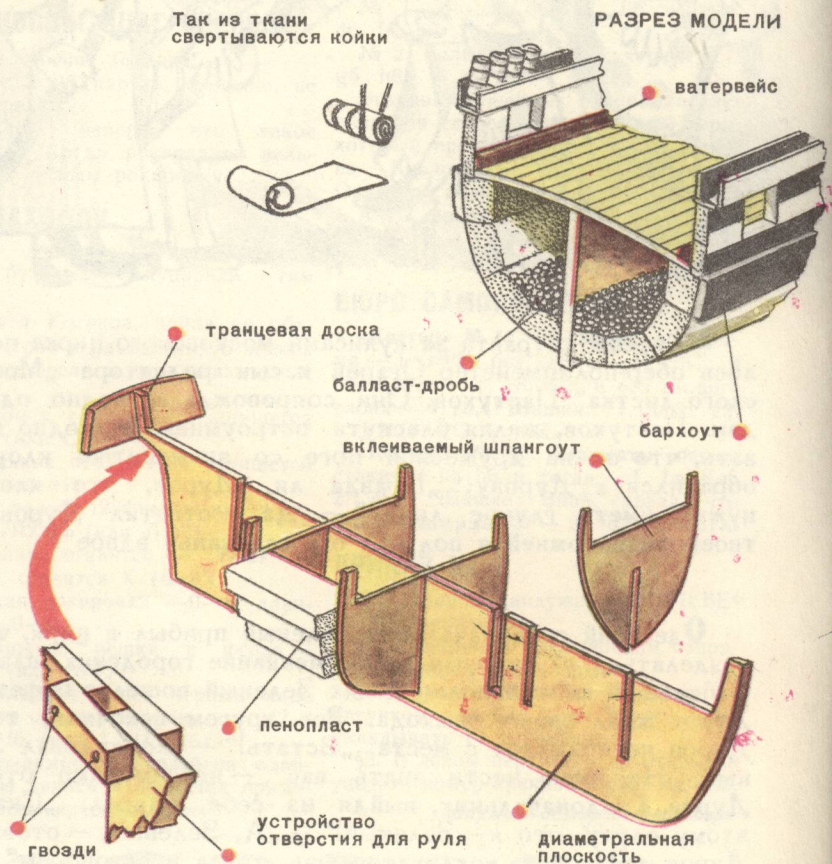
Наклейте палубу, предварительно расчертив на ней пазы черной тушью и покрыв слоем лака. Для лучшего прилегания палубы вклейте в угол ее стыка с фальш-бортом бруски дерева (ватервейсы).

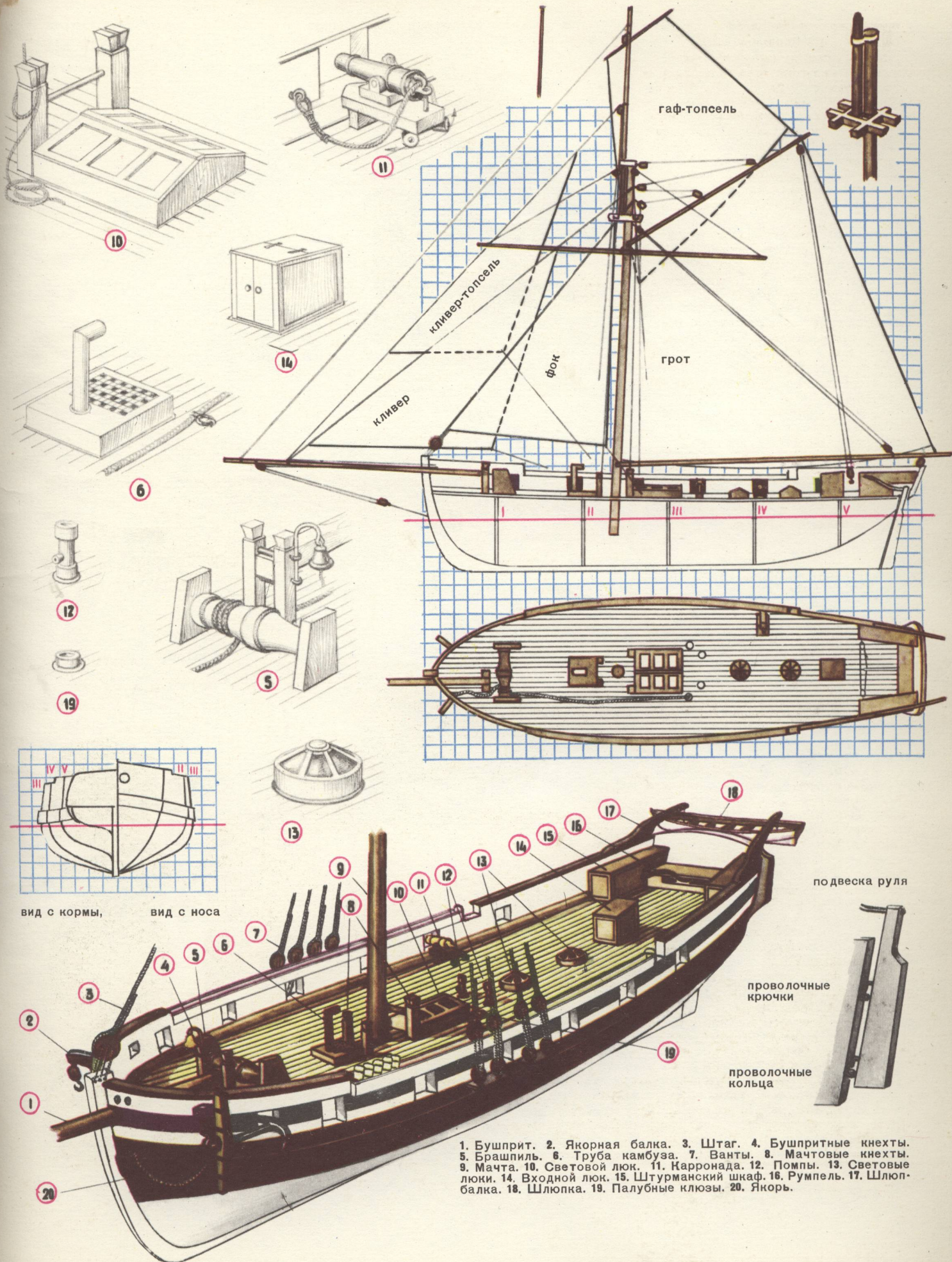
Навесьте руль и с помощью ниток закрепите его так, как показано на чертеже. Это нужно для фиксирования его в определенном положении при плавании тендера.

Все остальные детали тендера, расположенные на палубе, рангоут, такелаж и паруса сделайте по соответствующим чертежам.

Счастливого плавания вашей модели, юные корабель!

И. СЕКРЕТАРЕВ
Рисунки автора

САЛЮТ

ДЕТСКИЕ
РИСУНКИ

Ася Немченко,
7 лет.
СССР

МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ

Уве Шредер, 9 лет. ГДР